

AS 1876

А. КРАСНОВ

ЗЕМЛЯ ДУБОМ

Москва, 1974

О Г Л А В Л Е Н И Е:

Земля гнёбала.

I. Чего хочет поффер? Договоримся с поффером.	11
II. Перегруппировка хозяйства.	30
III. Культурная революция.	40
IV. Религиозная проблема и пути ее разрешения.	54
V. Государственные преобразования.	77
VI. Национализм или интернационализм.	77
VII. На братский пир.	77
VIII. Заглядывая в будущее.	80
IX. К читателю.	83

1. ЗЕМЛЯ ДЫБОМ.

Это была очень слабая пьеса какого-то давно забытого автора, 20-х годов. Однако случайно попала она в руки гениального мастера Всеволода Мейерхольда. И было чудо! Посредственный литературщик стал пророком; заурядная агитка превратилась в Апокалипсис; рукопись, написанная бледными чернилами по серой бумаге, заиграла яркими красками, превратилась в манускрипт, написанный грязью, желчью и кровью. Пьеса быстро сошла со сцены и была забыта, и сам кудесник через два года постарался забыть о сделанном им чуде и смущался, когда при нем упоминали об этом опусе, — не столько из-за спутанности, сколько из-за транспаранта — эпитафия, который предшествовал спектаклю и который гласил: "Первому красноармейцу Республики — Льву Троцкому — Всеволод Мейерхольд ханьд!"

Но тот, кто видел пьесу, ее не забудет.

В этом спектакле было что-то пророческое. И хотя речь здесь шла о событиях прошедших, о гражданской войне, — но всем своим стилем, самой формой спектакля, даже названием пьеса говорила о временах грядущих, о будущих схватках, которые потрясут вселенную, о будущей нескончаемой кровопролитной войне. И вспоминается совершенно по-особому эта давно забытая постановка в наши дни.

Ибо земля стала дыбом: слабый раболепный Китай наполняет ужасом человечество, и нет ныне ни одного человека в мире, который без страха думал бы о Китае. Из безбожной России /именно в тот момент, когда атеистическая идеология здесь окончательно восторжествовала, и все гуманистические принципы выброшены на свалку/ раздается на весь мир проповедь христианства. Писатели превращаются в чиновников, а недавние лагерники в писателей. Книжки, издаваемые миллионными тиражами, тотчас из выюда в свет превращаются в никому не нужную труху; рукописи, отпечатанные на машинке в количестве пяти экземпляров, потрясают мир. И, как всегда, когда земля стала дыбом, когда происходит нечто невероятное, фантастическое, чудовищное, — голова кружится и хочется отойти в сторонку, побыть одному, поразмыслить, разобраться в том, что происходит.

И я отхожу в сторону и взглядываюсь взором воспаленным, и проступают где-то видны неясные очертания грядущего. Но прежде надо подвести итоги пережитому. Итак, подведем итоги.

П. Немного бухгалтерии.

Итог - прозаическое слово. Вы его не встретите ни у пророков, ни в Апокалипсисе, ни у философов, ни у поэтов. Итоги подводят бухгалтеры. Итак, превратимся в бухгалтеров.

1974 год, несмотря на то, что он в пленках /прошло всего два с половиной месяца/ принес множество новостей в общественной жизни.

Главнейшая новость - опубликование за границей книги А. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг", возникшая в связи с этим шумиха, арест и высылка писателя из СССР. По этому вопросу высказывались многие, а группа интеллигенции во главе с Сахаровым выступила в связи с высылкой Солженицына с ^{официальным} протестом. Мне не зачем специально формулировать свою позицию в этом вопросе: и так всякому понятно, что я, убежденный сторонник свободы слова, не могу одобрять каких бы то ни было репрессий по отношению к любому писателю за его произведения. Укажу, что моей подписи под обращением группы интеллигентов нет лишь случайно /я просто не знал, что такое обращение готовится/. Через несколько недель, однако, эта сенсация /как и всякая другая/ уляжется, и люди вернуться к своим обычным делам. Но сейчас как раз время подвести некоторые итоги событиям последних лет.

x x x

Как неоднократно мы указывали, общественное движение последних лет родилось в конце 50-х годов как движение бунтующей экстремистской молодежи. Это был стихийный бунт мальчиков и девочек, которых затопило от официальной, пресной жвачки. Она им набила оскомину и полезла у них из горла. Захотелось чего-то нового, яркого, своеобразного. Так возникают СМОГ и другие литературные, богемные кружки, руководимые чудачковатыми мальчишками. Много было в этих кружках разухабистого, разболтанного, пьяного задора, но много было и светлого, хорошего, - был стихийный порыв к свету, к правде, был живой интерес ко всему новому, была любовь к знательности и независимости. И главное, для всех было ясно: после полувекового молчания заговорил "русский мальчик" - этот вечный в России предтеча всякого прогресса. Все это было очень весело, очень занятно и довольно бестолково. Но вскоре начались репрессии, и шутовское стало серьезным, мальчишеская буйфонада обернулась трагедией. Те, кто послабее, потрусливее, побездарнее - канули в Лету, те, кто посерьезнее, повзрослели, из мальчишек

стали мужами чести и долга, превратились в смелых отважных бойцов. Произошло резкое размежевание, и теперь как-то странно подумать, что Буковский, Галансков, Гинзбург, Лашкова ~~с одной стороны~~, и Батшев с Губановым, давно всеми забытые, неуравновешенные, слабые нервные мальчишки, когда-то стояли рядом.

Репрессии породили жертвы, жертвы вызвали к жизни заступников. Переломный пункт движения — 1965 год — год ареста Снявского и Даниэля, вызвавший грандиозный общественный протест, протест, который по своим масштабам превзошел все общественные кампании, бывшие до этого, охватил самые широкие круги интеллигенции, прозвучал на весь мир. Еще больший размах приняло движение 1967 года, после ареста Галанскова, Гинзбурга, Лашковой /эпоха подписантов/. С этого времени движение "взрослеет". К нему присоединяются солидные люди; его руководителями становятся почтенные, имеющие за плечами большой жизненный опыт люди, такие, как А.Е. Костерин и генерал П.Т. Григоренко; Якимович и будущие члены Инициативной группы, Якир и Красин. Резко меняется с этого времени и характер движения, и хотя долгое время /вплоть до ареста Якира и Красина/ оно сохраняет налет божественности, но зато из него совершенно испаряются элементы бунтарства, вношеского футуризма, мальчишеского задора, близкого к озорству. Это движение часто называют "демократическим движением", что совершенно неверно, т.к. никакой четкой демократической программы у него никогда не было и нет. Правильнее называть это движение движением гуманистическим, т.к. основным его содержанием являются протесты против актов беззакония и произвола, помощь жертвам репрессий. Этим и объясняется специфика движения: отсутствие программы, сотрудничество людей различных идеологий — от убежденных атеистов до верующих христиан, от коммунистов до людей консервативного мировоззрения. "Зачем ты бьешь ближнего своего?" — неустанно спрашивали представители движения, подобно Моисею у власть имущих.

И так же, как Моисей в Библии, неизменно получали ответ: "Кто поставил тебя начальником и судьей над нами?" /Исход 2, 13-14/. Начальник и судья, однако, нашелся: этим начальником и судьей оказалось мировое общественное мнение.

Неоспоримой заслугой гуманистического движения является атмосфера гласности в нашей стране. "Сейчас ни от кого и ничего уже нельзя скрыть", — говорил по несколько иному поводу пять лет назад сотрудник Совета по делам религии Макаревич.

Характерно, что когда я был арестован в 1949 году, о моем аресте не узнали даже мои ученики, когда же я был арестован через 20 лет /в 1969 году/, то об этом через несколько часов писала вся мировая пресса. В этом огромная историческая заслуга всего нынешнего движения. Мы приветствуем все, что может расширить информацию о всех прошлых и настоящих беззакониях. Огромное значение имеет в этом смысле и деятельность Солженицына и Сахарова.

Нельзя не восхищаться глубоким гуманизмом этих людей, которые следуя заветам любимца России, непрестанно "милость к падшим" призывают.

X X X

Внимательно читая произведения нашего оппозиционного самиздата, вы увидите в нем одну общую черту. Все авторы хорошо знают, чего они не хотят /они не хотят произвола и беззакония/ и все они не знают, чего хотят. Об этом я говорил, между прочим, выступая в качестве свидетеля на процессе Якира и Красина.

Конечно, огромная разница между Якиром-Красиным с одной стороны, людьми посредственными и слабыми, случайно поднятыми на поверхность волны, и Солженицыным и Сахаровым, людьми необыкновенного таланта, корифеями русской культуры, с другой стороны. Однако, когда наши "корифей" пытаются сформулировать те или иные программные требования, то, как правило, эти требования не могут выдержать никакой, даже самой снисходительной критики. Наиболее слабым является самый сильный — А.И. Солженицын.

В своих произведениях последних лет он подводит читателя к мысли о том, что Октябрьская революция была катастрофой, гибелью русской культуры. И только! Не говоря уже о несерьезности подобной постановке вопроса, ибо не может быть, чтобы величайшее событие мировой истории не несло в себе ничего положительного, этот тезис ни на шаг не подвигает нас к решению вопроса, что надо делать теперь. Была Октябрьская революция хорошая или плохая, но она была, — и никакими силами вернуться к тому, что до нее было, невозможно.

А.И. Солженицын, видимо, и сам понял, что абстрактных рассуждений мало, что нужна какая-то положительная программа. На прошлой неделе радио принесло текст письма, с которым писатель обратился в сентябре прошлого года к советскому правительству. Ныне это письмо он решил поведать *what et vive* в качестве своей программы. Слушая это письмо, испытываешь странное ощущение. Руссо в своей "Испо-

веди" рассказывает о знаменательном эпизоде из своей бурной юности.¹ Однажды он решил выдать себя за композитора и ошастливил своих слушателей "Симфонией"², написанной при полном незнании основ музыки.³ Он собрал "оркестр"⁴, состоящий из таких же профанов,⁵ как он сам,⁶ и угостил слушателей этой варварской какофонией "с такой смелостью",⁷ как если бы все мои слушатели прилетели с Луны и никогда не слышали музыки"⁸.

Видимо,⁹ слушатели Руссо испытали те же чувства,¹⁰ что и слушатели солженицынской "программы".¹¹ Какофония начинается уже с самых первых слов.¹² Александр Исаевич с необыкновенным апломбом заявляет, что человечество,¹³ начиная с эпохи Возрождения,¹⁴ пошло по неправильному пути.¹⁵ Ошибкой был и XVIII век,¹⁶ Великая Французская Революция и весь последующий ход исторического развития.¹⁷ Возникает,¹⁸ однако,¹⁹ вопрос,²⁰ какой тогда смысл всей деятельности самого Солженицына? Ведь весь его гуманистический протест против сталинщины,²¹ бериевщины и их современных последователей приобретает какой-то смысл только в свете идей эпохи Возрождения и принципов 1789 г.²² Лишь гуманисты и Декларация прав Человека провозгласили протест против тирании и произвола.²³ Между тем,²⁴ как единоличная,²⁵ никем не контролируемая,²⁶ неограниченная власть была жизненной нормой в эпоху средневековья.²⁷ Близкого в те времена не удивишь и смертными казнями,²⁸ застенками,²⁹ пытками.³⁰ Даже и заключение политических противников в психбольницы — не новость.³¹ Прочтите хотя бы Латада "Воспоминания последнего узника Бастилии" и вы убедитесь,³² что сумасшедший дом как средство обуздания политических противников применялся уже в XVIII веке во Франции.³³

Господство единой идеологии,³⁴ которая навязывается государством и всякое отступление от которой карается как тягчайшее преступление,³⁵ также является характерной чертой средневековья.³⁶ Это Великая Французская Революция разрушила Бастилию в Париже,³⁷ а затем и все остальные Бастилии — Бастилии,³⁸ в которых держали в цепях мысли и чувства людей!

Слава! Слава лучезарному дню 14 июля 1789 года! — в нем одном больше христианства,³⁹ чем во всех апологетах средневековья вместе взятых.⁴⁰

Ошастливив нас этим вступлением, А.И. Солженицын переходит к вещам более конкретным.⁴¹ Прежде всего его привлекает китайская проблема.⁴² Он совершенно правильно говорит,⁴³ что война с Китаем принесет неисчислимые бедствия обеим сторонам,⁴⁴ и в качестве панацеи от всех войн предлагает отказ от марксизма,⁴⁵ заявляя,⁴⁶ что никто не должен воевать,⁴⁷ чтобы доказать,⁴⁸ что истина высказана на стр. 395 у Ленина,⁴⁹

а на стр. 586, но разве сущность наших споров с Китаем в этом? - спросим мы А.И. Солженицына.

Речь идет совсем о другом: о территориальных спорах перенаселенной страны, которая к концу века будет иметь миллиард населения, с соседней страной, имеющей необозримые незаселенные пространства. Идеологические аргументы - соус к говядине. Предложение Александра Исаевича отдать преимущество в идеологии Китаю тоже не так уж просто: ведь это означает не больше не меньше, как отдать в руки Мао дополнительный отряд из нескольких десятков миллионов человек, рассеянных по всему миру /короче говоря, все мировое коммунистическое движение/, - вряд ли это целесообразно даже с точки зрения самого А.И. Солженицына. Что касается марксизма, то и от него нельзя отмахнуться двумя словами.

Конечно, правильно, что марксизм очень примитивно смотрит на человека, и его антропология просто смехотворна. Правильно и то, что ход истории не подтвердил многих предвидений Маркса и Энгельса, и ссылаться на них, как на каких-то пророков могут лишь кликуши от марксизма.

Но все это не может заслонить великую правду марксизма. А правда эта заключается в том, что рабы наемного рабства - пролетарии - являются производителями всех ценностей и меньше всех этими ценностями пользуются. Великая правда марксизма в том, что Карл Маркс "на заводе каждом стоя стоймя, каждый труд размоливая лично, крадущих прибавочную стоимость за руку поймал с полличным".

Слышите, - крадущих прибавочную стоимость поймал с полличным. Это относится не только к капиталистам и помещикам, но и к государственным чиновникам и к новому господствующему классу слов, к бюрократам, и к начальникам лагерей и ко всяким эксплуататорам. И марксизм устареет только тогда, когда исчезнет всякая экономическая эксплуатация, всякое разделение общества на богатых и бедных, на угнетателей и угнетенных. А до тех пор рано хоронить марксизм, и не случайно с именем Маркса и Энгельса на устах мировая социал-демократия совершает свой победный путь по Западной Европе. Правду марксизма принимают и прогрессивные католики и стремящиеся к социальной справедливости верующие христиане. Как совершенно правильно писал один из доминиканцев: "С Марксом церковь должна поступить как с Аристотелем, - взять то ценное, что в нем есть, и отбросить языческую шелуху".

Но вот, расправившись несколькими строчками с марксизмом, наш вития переходит к конкретной программе реформ. Что можно сказать об этой программе? Когда-то один французский журналист сказал не-

мецкому дипломату /это было во времена Бисмарка/: "Ваша армия вызывает страх, ваша дипломатия вызывает смех". Так и о Солженицыне: Ваше художественное творчество, Ваш гуманистический пафос вызывает страх у всех власть имущих, Ваша программа /увы! / способна вызывать только смех."

Самое смешное в том, что А.И.Солженицын, ненавидящий всей душой сталинщину, сделавший борьбу против сталинизма смыслом своей жизни, — когда предлагает свои реформы, начинает рассуждать, как человек сталинской выделки. Вот, например, он предлагает покончить с большими городами, которые, дескать, не нужны. Вместо этого нужно заселять Сибирь. Александр Исаевич, Вы так недавно уехали из Москвы, где жили на улице Горького!

Представьте себя мысленно снова в Москве, пройдитесь по улице Горького и спросите всех, кто Вам встретится, согласится ли он покинуть Москву и переехать в Сибирь. Если найдется хоть один /а встретите Вы, пройдя улицу Горького от Охотного до Белорусского вокзала несколько тысяч человек/, то можете мне отсечь голову. Впрочем, я вполне спокоен за свою голову. — ни одного не найдете, и Вы это так же хорошо знаете, как и я. Что из этого следует? Из этого следует только одно: что осуществить предлагаемую Вами реформу можно только сталинскими методами: взять несколько миллионов москвичей и переселить их в Сибирь. Все остальные предлагаемые Вами реформы также носят волюнтаристский характер: так это все просто, взять и приостановить технический прогресс, взять и закрыть заводы и фабрики, да и сможет ли эту программу осуществить какое бы то ни было правительство в мире /даже если бы все эти реформы были желательны и необходимы/. Академик Сахаров считает, что мы в настоящее время отстали от передовых капиталистических стран в отношении техники лет на 20. Что же Вы предлагаете, Александр Исаевич?

В век технической революции приостановить всякий технический прогресс, т.е. сделать так, чтобы Россия отстала не на 20, а на 100 лет. Спасибо за совет! Нет уж, хватит нам и так отставаний! Обойдемся в дальнейшем без них.

Но самое замечательное в письме А.И.Солженицына — это конец. Оказывается, демократия России не нужна — нужен авторитарный режим но только без беззаконий. Что сказать на это? Прежде всего, мы попросим Александра Исаевича показать нам хоть один пример авторитарного режима без беззаконий. Авторитарный режим потому и авторитарный, что он бесконтролен, несменяем, неизбираем. Значит, остается полагаться /при авторитарном режиме/ только на личную чест-

ность и мудрость носителей верховной власти." Но "полагаться на личную честность вождей — вещь в политике совершенно несерьезная", — говорил Ленин.¹ Еще колоритнее в этом отношении высказывание Александра I. Однажды /это было в 1809 г./ эмигрантка мадам де Сталь разлетелась к нему с комплиментами.¹ Александр I был очень мил и, между прочим, сказал, что в ближайшее время он намерен дать России конституцию.¹ "Ваше Величество," — воскликнула льстивая французенка,¹ — страна, которая имеет такого государя, как Вы,¹ не нуждается в конституции: Ваше сердце — лучшая конституция, а Ваша совесть — лучший парламент".¹

— Мадам, Вы мне льстите, — сказал Александр I.¹ — Но если бы это даже было так, то это означало бы только одно, — что я счастливая случайность!"

Жизнь показала, что Александр I не являлся счастливой случайностью, так как закончил свое царствование Аракчеевым и военными поселениями.¹ Вся история России показала, что таких счастливых случайностей вообще не бывает: даже лучшие из самодержцев не были такой счастливой случайностью.¹ Екатерина II /наиболее талантливая и прогрессивная из русских государей/ распространила на Украину крепостное право, а сделавший для России очень много добра и оставивший в народе хорошую память Александр II, все же запятнал себя зверским подавлением польского восстания в 1863 году.¹ В еще большей степени оправдались слова Ленина о том, что полагаться на добрые качества вождей — вещь в политике совершенно несерьезная.¹ К этим словам можно внести только одну поправку.¹ Полагаться на добрые качества вождей — вещь,¹ к сожалению, слишком серьезная, и человечество заплатило за нее тысячелетиями несправедливостей, морями крови и слез.¹

Но к счастью, эти тысячелетние дреки пошли впрок.¹ Путем страшных страданий человечество выработало новую, совершенную форму общественной жизни — демократию, т.е. такой строй, при котором сам народ является хозяином своей судьбы, при котором правительство подконтрольно,¹ подвержено критике и может быть смещено.¹ в любой момент, когда этого захочет народ.¹

Только такой строй является гарантией от беззакония и произвола.¹ Только такой строй — и никакой другой.¹ Только такой строй является естественным и соответствует человеческой природе, — ибо всякая бесконтрольная, "авторитарная" власть противоестественна и по-

коится на жи; на вере в непогрешимость, которая несвойственна никому из людей. Поэтому не может быть такого народа, который не дозрел бы до демократии. Демократия есть основа человеческого общества и там, где ее нет, есть беззаконие, произвол и слепая реакционность.

В своем письме советскому правительству Солженицын говорит о том, что, по его мнению, христианство является единственным спасением России. Это, конечно, верно, как верно и то, что христианство является единственным путем к спасению мира. Однако сразу же следует сделать оговорку: истинное христианство, которое основывается на Евангелии, ибо христианством так много и так часто злоупотребляли, так часто под него подделывались, что нередко под именем христианства фигурируют суррогаты, в которых при христианской фразеологии проводятся совершенно не христианские идеи. Таково "христианство" Победоносцева, Константина Леонтьева, "христианство" крепостников и государственников, "христианство" националистов и приспособленцев. "Христианство", представителями которого являются Торквемада и Де-Местр, британские роялисты и русские черносотенцы, протопресвитер Колчацкий и Серафим Никитин, ныне Вам, Александр Исаевич, хорошо известный.

Сейчас во всем мире проходит волна обновления Церкви — волна, которая должна очистить Церковь и христианство от всех "средневековых подделок", как говорил еще В.С.Соловьев. В чине католической литургии есть слова: "Господи, спаси Твою церковь и сподобь ее править миром". Чтобы править миром, надо сподобиться этого, быть этого достойным. И только истинное христианство, очищенное от всяких чужеродных примесей, достойно править миром, и только в нем спасение Руси!

х х х

Все сказанное выше несколько не умаляет нашего восхищения творчеством Солженицына. В 1933 году, когда он праздновал свое пятидесятилетие, я отправил ему следующую телеграмму: "Приветствую дорогого собрата по узам и по перу и великого писателя земли Русской". Некоторые читатели просили меня смягчить резкую критику в адрес Солженицына. Нет! Я не нанесу этого оскорбления гению: я не откажу ему в братской, принципиальной, резкой критике. И пусть не торжествуют пигмеи. Толстому приходилось также выступать с утопическими программами и все-таки он остается Л.Н.Толстым, — великим правдоискателем, светильником земли Русской.

X X X

Гораздо более реалистичны предложения А.Д.Сахарова. У него совершенно отсутствует элемент архаизма, которым так и обет струей во всех высказываниях Солженицына. А.Д.Сахаров — вполне современный человек.

Главный недостаток его политических высказываний — отсутствие цельности. Отдельные правильные замечания очень интересны; однако цельной картины не получается. В 20-е годы один неслухлый и антирелигиозник сострил о живоцерковниках, что если им верить, то достаточно несколько иначе распределить доходы духовенства и поставить денатых епископов, чтобы на земле было построено Царство Божие.

Если руководствоваться мыслями, высказанными А.Д.Сахаровым в его известном письме, с которого он начал свою деятельность, выходит, что если чуть-чуть улучшить поступление технической информации в научно-исследовательские институты, завести электронные машины и объявить политическую амнистию, то этим чуть ли не все проблемы современности будут разрешены. Впрочем, и сам Андрей Дмитриевич, видимо, не придает особого значения этой программе, так никогда больше к ней не возвращается, а в своем напумевшем интервью шведскому корреспонденту в августе 1973 г. выразил мрачный пессимизм в отношении возможности каких-либо реформ в рамках советского режима, что тоже несерьезно, ибо таких режимов не бывает.

Интересно отметить, что есть люди, которые возводят в добродетель и даже хвастаются отсутствием политических убеждений. Но это наивность, не нуждающаяся в опровержении. "Гражданином можно быть и без писания стихов", — писал в свое время Пушкин Рылееву. — Тот же, кто пишет стихи, должен быть поэтом и прежде всего поэтом.

Хорошим человеком можно быть и не выступая на общественную арену; тот же, кто выступает по общественным вопросам, является /хочет он этого или нет/ политиком и прежде всего политиком. Бывают только плохие политики /те, которые отделяются от серьезных вопросов декламацией/ и хорошие политики /те, кто пытается серьезно разобраться в событиях/.

Итак, каковы итоги? Гуманистическое движение России выдвинуло за последние месяцы много новых, ярких фигур, обогатилось великолепными, талантливыми документами. Его международное значение возросло. Голос его стал громче слышен во всем мире. Тем не менее оно так и не вышло из заколдованного круга, в котором вращается вот

уже почти 20 лет, с того времени, когда оно было замкнуто в кругах молодежи; оно не имеет ни программы, ни осознанных целей, ни руля, ни ветрил. Именно поэтому гуманистическое движение далеко от народа, который относится к нему с любопытством, но решительно его не понимает. Представители гуманистического движения это знают и многие считают, что иначе и быть не может: народ-де слишком ограничен, ничего не понимает и ничего понять не может. В этом отношении характерно письмо Л.К. Чуковской - одной из самых чистых и смелых представительниц движения. Она рассказывает о своем разговоре с шофером такси о Пастернаке. Мальчик-шофер ругал Пастернака и оскорбил Лидию Корнеевну, когда она пробовала защищать Пастернака.

Услышав по радио эти слова, я был поражен: разговоры с шоферами - это моя специальность, ибо у меня проклятая слабость с детства - любовь к быстрой езде. Во всяком случае за последние десять лет я имел самые душевные разговоры минимум с тысячью человек из шоферской братии, не говоря уже о тех шоферах, с которыми я находился в заключении /они часто попадают в тюрьму, задавив человека или нанеся ему травму - это, конечно, справедливо, но и трагично, потому что преступление совершено неумышленно/. Шоферы - славные ребята и очень внимательные и обычно прекрасно разбираются что к чему. /Лидии Корнеевне просто не повезло!/ Я мог бы рассказать о совсем других шоферах и совсем о других разговорах, которые я с ними имел. Но не будем отвлекаться. Постараемся понять, чего все-таки хочет шофер. Пусть будет при этом шофер фигурой символической: чего хочет шофер, того хочет и крановщик, слесарь, тракторист, плотник, столяр и маляр, истопник, дворник и сторож. Итак, III. чего хочет шофер?

И про него тоже следует сказать, что он знает, чего он не хочет. Он прежде всего не хочет капитализма ни в каких формах и ни в каком виде. Он не знает, что такое капитализм так же, как не знали этого его родители. Чуть-чуть знают об этом его деды и бабушки. Короче говоря, он имеет о капитализме такое же представление, какое в 20-х годах, во время моего детства, люди имели о крепостном праве. Таким образом, так же, как многие представители гуманистического движения, шофер знает чего он не хочет. Но в отличие от них, шофер хорошо знает, чего он хочет.

А хочет он не стихов Пастернака и Мандельштама, а очень прозаической вещи: снижения цен на товары широкого потребления. Надо ли

осуждать его за это? Думаю, что не надо. В самом деле, хватит парить в облаках, спуститесь-ка на землю, господа эстеты и гуманисты. Войдите в дом к шоферу. Он теперь живет в сравнительно хороших жилищных условиях /в Москве, в других городах с жильем еще неблагоприятно/. Но вот перед нами московская квартира, двухкомнатная, отдельная. Он, жена, двое детей, похилая мать. Мать и жена на общей кухне, на маленьком пространстве, вечное раздражение, перебранки, а дети кричат, их надо успокаивать, дома не отдохнешь. А завтра в 6 часов надо идти на работу. Московские таксисты обычно работают через день. Стало быть, четырнадцать часов за бараккой. Работа напряженная, одно неверное движение и авария, человеческая жертва, а для шофера 10 лет лагерей. Зарплата как будто приличная — 150 рублей и чаевые, круглым счетом 200 рублей. Но ведь семья — 5 человек. Дети. Всех надо обуять, одеть, значит, должна работать и жена. Дети без надзора. На двоих детей кое-как хватает /с грехом пополам можно концы с концами сводить/, а больше двоих детей никак не прокормишь. Значит, неполноценная половая жизнь /вечные аборты, перестрепка со всякими медикаментами/. В доме есть телевизор, но смотреть его некогда. Приходишь домой усталый, разбитый, а завтра опять рано вставать. Жена ворчит, что не помогаешь по дому. Собираются приятели, надо выпить, а водка стоит втридорога. Так идет нудная, серая жизнь. А приходится возить людей обеспеченных, хорошо одетых, снабженцев, начальников. Невольно возникает мысль, что ведь и он мог бы так жить. Мог бы. 250 рублей — сумма приличная. Но цены! Проклятые цены! С десятком рублями в магазине делать нечего. Куда там! Только и хватает, что на еду, а дети растут, траты возрастают, девочек надо прилично одеть, парням надо купить часы. Откуда это все взять? Вот и ломаешь себе голову. Где уж тут думать о Пастернаке и Мандельштаме? Будем ли мы осуждать шофера за то, что он хочет снижения цен? Думаю, что не будем.

А еще чего хочет шофер? А еще он хочет защищать свои интересы. А то что же — обидят, даловаться некому. Со времени окончания войны установился обычай: жалобы возвращаются как раз тому, на кого жалуются, "на отзыв". Понятно, какой дадут отзыв. На производстве есть профсоюз. Но что толку. Как правило, за малыми исключениями, сидят там люди, которые не хотят портить отношений с администрацией. Значит, защищать его интересы некому. И шоферу нужны не "обознатели" /как Пастернак, стихи которого процитировала Людмила Корнеева

на/; - он же не девушка, а помощники и защитники его интересов.

И еще одно. Русский человек от природы очень любознателен: он обладает живым острым умом; он всем интересуется /особенно в молодости/ и все хочет знать. И он хочет, чтоб ему обо всем рассказали и все ему растолковали, а он все взвесит и ничего на веру не примет /по натуре он скептик/ и сам поспорит и сам свое мнение выскажет. А на политическом языке это означает ничто иное, как свобода дискуссий.

IV. Договоримся с шофером.

Итак, теперь мы знаем, что хочет шофер. Попробуем с ним договориться.

I. Снизение цен до уровня 1914 года.

С 20-х годов, со времени моего детства, я только и слышу жалоб на рост цен.

В 1935 году я купил свой первый костюм на заработанные мной деньги: это была вполне приличная "тройка" /шпидак, бривки, жилет/ коричневого цвета. Стоила она 120 рублей /по нынешнему масштабу цен - 27 руб./ Дешевый каждодневный костюм стоил 160 руб. - 16 руб.

В 1938 году я купил себе очень хороший, летний костюм; он стоил 600 рублей /60 руб./ Все ужасались дороговизне. Однаци я купил себе бривки за 60 руб. /6 руб./ Все компетентные эксперты определили их дореволюционную цену - 5 руб. /50 коп./ Простые студенческие ботинки стоили в 1936 г. 45 руб. /4 руб. 50 коп./ и все возмущались: до революции такие ботинки стоили 5 руб. /50 коп./ Все это было очень, очень много лет назад. Теперь приведенные мною цифры звучат тоже как фантастика. Купите-ка элегантный летний костюм за 60 рублей.

Не лучше обстоит дело и с продовольственными товарами. В 20-е годы мой отец давал домработнице на рынок 3 рубля. На эти деньги готовился обед, ужин и завтрак для семьи в 5 человек. Причем каждый день были масло, сыр, печенье и обед из двух-трех блюд. И в то же время жаловались на дороговизну, вздыхали о трехкопеечной булке, о бублике, который стоил копейку. Итак, что же делать теперь, чтобы шофер был доволен и зажил по-человечески? Надо в течение ближайших пяти лет снизить цены до уровня 1914 года с полным сохранением нынешнего уровня зарплат.

Задача трудная, серьезная, что и говорить.¹ Некоторые скажут, что и невыполнимая.¹ А действительно ли невыполнимая? Посмотрим.²

2.¹ Отказ от глобальной мировой политики и всеобщее разоружение

Написал эти слова и дух захватило. Шутка сказать! Начали с цен на брпки — и куда попали!

Что поделаешь! Такова диалектика жизни: хочешь,¹ чтоб булка стоила три копейки, занимайся мировой политикой.¹

Мы упомянули о всеобщем разоружении.¹ Все об этом говорят,¹ никто в принципе его не отрицает.¹ Но как его достигнуть — этого никто не знает.¹ Все,¹ однако, согласны в том, что следует создать определенные предпосылки.¹ Первая предпосылка для всех ясна: надо отвести все войска, находящиеся за границей своей страны.¹ Это прежде всего и раньше всего. В свое время Н.С.Хрущев /человек неглубокий,¹ но не лишенный здравого смысла и доброй воли/ выступал с подобным предложением, при этом он обронил знаменательную фразу: "Если при этом рухнут два-три коммунистических режима, то значит они немного стоили"¹! Что правда,¹ то правда. Недорого стоит режим, который держится на штыках.¹ Пребывание наших войск в так называемых странах народной демократии не оправдывается никакими разумными причинами: он не оправдывается идеологически, — самый ярый враг коммунизма не сможет придумать ничего более дискредитирующего самую идею коммунизма,¹ чем совершенно неоправданное содержание войск в Польше, Венгрии и Чехословакии.¹ Когда во время войны мне пришлось бывать на рынках,¹ я часто слышал предостережение: "Не покупайте дешевых вещей: дешевые выходят ^{на дорожке} дороже". Народная мудрость правильно уловила реальную суть вещей.¹ Так и в политике: дешевое выходит дороже.¹ добились свержения правительства Дубчека и посеяли вражду между русским и чехословацким народами на века,¹ разгромили восстание в Будапеште и разожгли ягучую ненависть к России,¹ которую погасить будет невероятно трудно.¹ Еще менее оправдано пребывание наших войск за границей с чьей военной точки зрения: когда-то Людендорф /наиболее реалистичный из немецких militarистов/ обронил такую фразу: "Для нас выгоднее, чтоб Италия выступила против нас, чем за нас.¹ Если она выступит против нас,¹ мы пошлем 10 дивизий и займем Италию.¹ Если она выступит на нашей стороне,¹ нам придется послать 30 дивизий,¹ чтоб защищать ее".¹

Все это относится и к нашим балканским "союзникам": чтобы их занять /в случае военной необходимости/, понадобится не более 15-2 дивизий,¹ чтоб поддерживать в них существующие режимы,¹ нужно минимуму 40 дивизий.¹ Между тем отвод наших войск в пределы СССР сразу оздо-

ровит обстановку. Не говоря уже об огромной экономии средств, разом будет покончено с чудовищной гонкой вооружения. Разумеется, отвод наших войск должен сопровождаться подобным же отводом войск и других держав и ликвидацией военных баз в Европе. Нет сомнения, что в настоящее время ведущие державы Запада на это пойдут!

Теперь о китайской проблеме. Вряд ли можно считать эту проблему неразрешимой. Придет время и представители социал-демократического Китая сядут за один стол с представителями социал-демократической России, — и тогда все основные проблемы будут разрешены.

Однако в настоящее время при господстве в Китае маоистских головорезов переговоры практически невозможны: можно договариваться с правительством, заслуживающим доверия — нельзя ни о чем договариваться с кучкой изуверов, для которых коварство и демагогия — высшая мудрость. Но если в настоящее время совершенно невозможно вести переговоры с Китаем, то сдержать его на века ~~возможно~~ возможно. Сдержать его может прочный союз Америки, СССР и объединенной Западной Европы. При любых условиях и в любое время этот союз держав будет иметь над Китаем огромный перевес силы, и это будет лучшей гарантией от всяких возможностей китайской агрессии. Однако этот союз может быть основан лишь на базе полного доверия.

Выше мы указали на то, как создать атмосферу доверия: для этого нужно отвести все войска, находящиеся за пределами СССР. Однако это лишь одна из предпосылок для создания атмосферы доверия. Другой предпосылкой является справедливое урегулирование проблем, вызывающих международную напряженность. На первом месте среди таких проблем следует поставить ближневосточную проблему. Урегулировать ее сравнительно нетрудно, если великие державы не будут вмешиваться не в свои дела и прекратят политику разжигания вражды и поставку оружия обеим враждующим сторонам. За основу урегулирования конфликта может быть взято предложение Папы Павла VI об объявлении Иерусалима нейтральным священным городом, в котором не должно находиться никаких вооруженных сил. Функции управления городом может нести коллегия, состоящая из представителей всех религий и исповеданий, для которых Иерусалим является священным городом и которые имеют там свои общины: из Главного Муфтия, Главного Раввина, Патриарха Иерусалимского /православного/, из папского нунция, из армяно-григорианского и коптского патриархов. Во главе же Коллегии должен стоять главный Комиссар ООН. Поддержанием порядка в городе должна ведать международная полиция, сформированная из представителей нейтральных малых государств.

Что касается взаимоотношений еврейского и арабского народов, то они должны строиться на сознании общности крови, языка, исторического прошлого и религиозных верований обоих народов. Когда Авраам получил благовестие от Бога о рождении Исаака, он пал на лице свое перед Богом и молился:

"И сказал Авраам Богу: о хотя бы Измаил был жив пред лицом Твоим! Бог же сказал Аврааму: именно Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак; и поставлю завет Мой с ним заветом вечным /в том, что Я буду Богом ему и/ потомству его после него."

И о Измаиле Я услышал тебя: вот, Я благословляю его и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ " /Бытие 17, 18-20/."

Так гласит Библия, и кто из верующих евреев и арабов / а эти народы в своем абсолютном большинстве верующие / — кто посмеет оспаривать эти библейские слова?

Из этого сознания еврейско-арабской общности и должны строиться взаимоотношения этих народов. Я предвижу в будущем создание еврейско-арабского государства на основе *кондоминиума* Протестантом такого государства может служить Кипр /с его совместным греко-турецким правительством/. Разумеется, речь идет не о завтрашнем дне. Однако, это тот идеал, который должны поставить перед собой семитические народы и к которому они в свое время придут.

В истории Израиля последних лет есть знаменательный день, январский день 1934 года — день посещения Иерусалима Папой. И в этот день пали границы, рассекавшие тогда Иерусалим на две части, и в разномастной, разколотой толпе смешались евреи, арабы, христиане, — и все они вышли приветствовать Папу, и над городом стоял единый клич: "Апостол Петр вернулся в Иерусалим!"

И думается, что день этот являлся символом, предвестием будущего великого дня; когда исчезнет братоубийственная распря, и братские народы соединятся в едином порыве. Когда это будет — трудно сказать, но неопременной предпосылкой этого является полное невмешательство великих держав в ближневосточные дела. Мир же на Востоке должна поддерживать Организация Объединенных Наций.

х х х

Для всех ясно, что неопременной предпосылкой поддержания мира во всем мире должна быть реформа Организации Объединенных Наций. Конечно, утопией является предложение А.Д. Сахарова о превращении ее во всемирное правительство. Однако должен быть поставлен под

сомнение и другой принцип - принцип полного невмешательства ООН во внутренние дела государств. При этом ООН превращается в орудие обмана народов. В самом деле, существует "Декларация Прав Человека" - документ, исходящий от ООН, к которому присоединились все члены ООН. Какой, собственно, смысл имеет этот документ, если ООН не имеет права контролировать его выполнение. В свое время такое положение помогло в 1948 году Сталину разыграть очередную комедию - присоединиться к этой Декларации, заведомо зная, что эту Декларацию он не выполняет и выполнять не будет. Знали это и все другие члены ООН и спокойно участвовали в этой гнусной комедии. Невероятный цинизм был проявлен при приеме в ООН Китая - страны, в которой хозяйничают людоеды, правящие 800-миллионным народом со звериной жестокостью. И никому не пришло в голову даже поставить вопрос о том, считает ли маоистское правительство обязательной для себя Декларацию прав человека. Совесть мира требует, чтобы членство в ООН было обусловлено признанием Декларации прав человека; чтоб все государства - члены ООН широко опубликовали этот документ в своих странах и допустили бы широкий международный контроль за выполнением Декларации прав человека.

Только при таком положении ООН станет тем, чем должна быть - Совестью человечества, - и это будет лучшей предпосылкой международного доверия и мира во всем мире.

3. Коренная реформа государственного аппарата.

Осуществив эту коренную реформу нашей внешней политики, мы сможем в самый короткий срок добиться резкого сокращения вооружения, уменьшить армию во много раз и сократить военные расходы минимум в 10 раз. Это создаст великолепные перспективы для поднятия жизненного уровня населения. Однако этого, конечно, еще недостаточно. Для того, чтобы прибавочная стоимость полностью или почти полностью поступала производителям, надо провести ряд внутренних реформ, из которых наиболее важная - резкое /не меньше, чем на 70%/ сокращение государственного аппарата. Какие отрасли государственного аппарата должны быть сокращены в первую очередь? И здесь, как это ни печально, мне опять придется огорчить моих заботливых опекунов, которые всю жизнь /с 1934 года/ не оставляют меня своим вниманием. Прежде всего необходима ликвидация К Г Б.

Я не буду здесь распространяться ^{еще} о печальном прошлом этого учреждения, ни о его настоящей роли, - об этом уже столько писали и все это настолько набило оскомину и навязло в зубах, что писать об этом совершенно излишне.

Сейчас я буду говорить только с точки зрения политической и экономической целесообразности этого учреждения. И начну с того, кто является наибольшим авторитетом для работников этого учреждения - с В.И.Ленина. В свое время Ленин писал, что революционная ситуация образуется тогда, когда не только низы не хотят жить по-старому, но и верхи уже не могут управлять по-старому.

Конечно, революционной ситуации /в смысле какой-либо прямой угрозы существующему строю/ в настоящее время в СССР нет. Однако управлять старыми методами уже невозможно. С каждым днем все больше рассеивается то, что в сталинское время довлело над страной, - исчезает, рассеивается страх. Запугать можно теперь только отдельных лиц, запугать сколько-нибудь значительный слой населения не удастся. Этим и объясняются сплошные провалы, которые стали в настоящее время нормой деятельности КГБ. Не будем голословны, приведем примеры:

1/ Арест Снявского и Даниэля - 1965 г. По мысли тогдашнего руководителя КГБ Шелепина должен был положить конец самиздату. Результат - широчайшее движение протеста, которое вылилось в демонстрации, в подачу коллективных заявлений, подписанных корифеями советской культуры и науки, волна, прошедшая по всей стране, вынудившая крупного партийного деятеля Егорычева выступить с трибуны 23 съезда с успокоительным заявлением.

2/ Арест в январе 1967 г. Добровольского, Галанскова, Винзбурга и Лазковой. По мысли руководителей КГБ этот арест должен был пресечь попытку распространять периодические издания и предотвратить подобные попытки в дальнейшем. Результат: невиданная за 50 лет кампания с подписанием петиций, вовлекшая в свое русло несколько тысяч человек; появление в среде оппозиционного течения таких ярких личностей, как П.Литвинов и Л.Богораз; начало деятельности Якира и Красина, появление международных документов, таких, как Обращение двенадцати в Международное коммунистическое совещание и т.д. Наконец на гребне этой волны в движение приходят крупные коммунисты, действовавшие до этого отдельно, - генерал П.Г.Григоренко и писатель Костерин. 10 тысяч Добровольских не могли бы наделать столько хлопот КГБ, как его арест.

3/ 1969 г. - арест генерала Григоренко и покойного Ильи Габая. Результат: обращение в ООН, формирование Инициативной группы защиты прав человека, широкое распространение информационного бюллетеня. Опять провал, опять хлопот полон рот, опять в дураках.

4/ 1972 г. - арест Якира и Красина. На этот раз как будто, наконец, удача: Якира и Красина удалось поставить на колени. Однако вскоре последовали выступления Сахарова и Солженицына, вызвавшие такую волну, которую не могли бы вызвать миллион Якиров и Красиных;

5/ И наконец, последнее событие: арест и высылка за пределы СССР Солженицына. Результат: новая широчайшая волна протестов, появление новых имен в числе протестантов /или, как их называют, инакомыслящих/.

Таковы результаты деятельности КГБ за последние 9 лет. Каждый арест, мы видим, только подливает масла в огонь, способствует расширению движения, достижения им новых этапов. Да и не смешны ли все эти подсматривания и подслушивания, тратящие огромные деньги, когда подавляющее большинство оппозиционеров обо всем говорит совершенно открыто, нисколько не скрывает своих взглядов и выражает их в совершенно определенной форме в произведениях, которые тотчас становятся известны во всем мире. Правда, этим занимаются далеко не все, - большинство занимается своими делами и не лезут в общественные, - но за ними незачем подсматривать и подслушивать, они и так ничем запрещенным заниматься не будут. Между тем, этими подсматриваниями и подслушиваниями занят огромный аппарат, на содержание которого идут огромные деньги. Подумать только: шлюгавый мальчишка, который ходит за каким-нибудь инакомыслящим по пятам или стоит на углу, ожидая его выхода на улицу, - получает 200-300 рублей, вдвое больше, чем высококвалифицированный учитель. А ведь таких мальчишек не меньше, чем учителей. Прогоните их и заставьте работать, и можно будет вдвое увеличить зарплату учителям.

А как они работают? Работники КГБ, конечно, считают, что очень хорошо; что они все знают, все видят и обмануть их невозможно. Мой приятель тоже говорил, что он все знает, все видит, и никто его не обманет, но жена его, когда он это говорил, всегда улыбалась.

Значит, следует попросту упразднить КГБ, передав дела, которые он ведет, в Прокуратуру, а вместо КГБ надо создать разведку, как это существует во всех странах, которая занималась бы своим прямым делом: борьбой со шпионажем и диверсией. Вот и всё.

Однако, этим, конечно, не исчерпывается государственная экономия. Следует уничтожить сложную систему дублирующих учреждений: союзно-республиканских, республиканских министерств и т.д. Следует, наконец, внести порядок во всю эту бюрократическую мешанину.

Все эти вопросы, однако, связаны с реорганизацией государственной жизни и на них мы остановимся ниже. Не последнее место в государственной жизни занимает отмена имущественных привилегий. В свое время генерал Григоренко ставил вопрос о введении паритета для членов КПСС.

Мы пойдем дальше: следует ввести государственный максимум, вследствие которого ни один государственный служащий не мог бы получать зарплаты, превышающей 200-250 рублей. Должны быть уничтожены также всякие "конвертные", премиальные и прочие суммы, должны быть уничтожены всякие специализированные магазины, сухие пайки и другие привилегии, которыми обладает в нашей стране бюрократия и которые обходятся рабочему человеку в копейку.

На этой основе легко и быстро можно провести удешевление всех товаров широкого потребления и создать хорошую, сытую, веселую жизнь народу. Раскрепостите русский народ от нужды, освободите от унижительной погони за куском хлеба, — и вы увидите, как он выпрямит плечи; вы увидите, сколько талантов он явит миру.

4. Коренная реформа здравоохранения и народного образования.

15 лет назад к одному моему другу /ныне покойному/, чтоб не быть голословным, назову имя, — это был проф. Евгений Львович Штейнберг, приехали две девушки-франуженки, обе коммунистки. Одной из них в глаз попала соринка, и они пошли разыскивать поликлинику. Вот их впечатление: "Это ужасно. Толпы бедно одетых людей сидят часами в коридорах. Обслуживают их врачи совершенно неопытные, какие-то девушки." — А Вы как лечитесь, Евгений Львович? — Я лечусь в Кремлевской больнице. — О! Я сразу сказала, что, наверное, советская аристократия лечится совершенно не так. — Ну у нас же пока еще социалистический принцип: от каждого по способностям, каждому по труду. — Ну нет, это, по-нашему, совсем не социалистический принцип; мы понимаем, что когда речь идет о роскоши, о поездках в Крым, — это нельзя всем обеспечить, но на лечение рабочий имеет такое же право, как любой другой.

Этот разговор, как сказано выше, происходил 15 лет назад. Переменилось ли с тех пор что-либо? Переменилось. Люди теперь довольно прилично одеты и в этом ничем не отличаются от иностранцев. Появилось много квалифицированных врачей, построено некоторое количество лечебных заведений.

И все-таки! И все-таки: лечебное дело поставлено у нас пока еще из рук вон плохо скверно. Начать с того, что все больницы переполнены так, что негде яблоку упасть, — тяжелые больные сплошь и

рядом лежат в коридорах. Не хватает санитаров и санитарок. Не буду голословным. Несколько лет назад одна моя родственница лежала в больнице на Басманной улице. Она лежала в палате, в которой находилось около 20 больных. Одна санитарка приходилась на 3 палаты; каждая из них обслуживала по 50 человек. Врачи пожимали плечами, говорили: что мы можем сделать, санитарок нет, никто не ищет, зарплата нищенская.

Последнее время медицина сильно шагнула вперед, появился ряд новых медикаментов, которые привозятся к нам из-за границы. Практически, однако, достать их нельзя, в аптеках их нет. Надо пускать в ход какие-то особые связи, знакомства, чтобы достать необходимое лекарство. А если этих знакомств нет? А их нет у простого человека. Какие выводы надо сделать? Надо в течение ближайших пяти лет в 3-4 раза увеличить количество больниц. Больницы должны быть благоустроенными, со светлыми, просторными палатами; они должны обслуживаться квалифицированным и хорошо оплачиваемым медперсоналом.

Как это сделать? И здесь, мне кажется, можно учесть опыт старой России. Хорошо известно, какую большую роль играли в медицинском обслуживании населения земства — общественные организации, привлекавшие большие средства, строившие больницы и содержавшие врачей. Подобные организации возможны и сейчас. Следует привлечь к этому делу общественников-энтузиастов, которые соберут бы средства, жертвовали бы и свои деньги на строительство больниц. Не последнюю роль в этом деле могут сыграть и религиозные люди. Только собирать на больницы надо не кульническим манером, как сейчас это делается со сборами на дело мира, когда старосты тайком от народа жертвуют после предварительных разговоров в исполкоме громадные суммы из церковных средств, причем никому не известно, как именно используются эти средства.

Пусть будет так: священник в епитрахили, архиерей в полном облачении обратятся к народу с призывом жертвовать на строительство соседней больницы. Пусть сам священник затем обойдет молящихся с блюдом. Пусть представитель данной общины затем внесет эти деньги на банковский счет строительства больницы, пусть ему дана будет возможность проконтролировать, как именно используются эти средства. И потекут рекой народные средства на строительство больниц. Необходимо привлечь к этому делу знаменитых артистов, писателей, художников.

Необходимо также значительно повысить /в 2-3 раза/ зарплату медицинскому персоналу /преимущественно ^{младшему} ~~старшему~~/. Необходимо окружить этих людей почетом, помня, что самая последняя санитарка не менее

нужна народу, чем самый лучший инженер. Необходимо также расширить производство медикаментов. Это позор, что нам приходится ввозить лекарства из Будапешта, Берлина и других стран. Это позор, что наши аптеки торгуют лишь анальгином, аспирином и глазными каплями; это позор, что тяжело больным людям нельзя достать нужное им лекарство.

Народ ничего не пожалеет для больных. Обратитесь к народу, привлечите для этого народные средства, постройте хорошие больницы. И весь народ скажет вам за это спасибо!

Еще хуже обстоит дело с народным образованием. То, что происходит у нас в школах, нельзя назвать иначе, как организованным очковтирательством, как прямым, сознательным, организованным обманом. Это же факт, что минимум 50% окончивших десятилетку, не умеют грамотно писать, не обладают самыми элементарными сведениями по истории и по литературе, не имеют никакого общего развития. Проведите экзамен лиц, окончивших десятилетку, и если этот экзамен будет проводиться хотя бы на основе гимназических программ и с соблюдением требований старой гимназии, то 90% учащихся провалятся с треском. Причиной такого плачевного состояния органов народного просвещения является ряд неверных установок.

Первая причина — гибельная процентомания, о чем уже не раз писалось и безуспешно. Главным виновником этого гибельного положения ^{не учителя} не директора, и не учителя, а государство, которое, исходя из экономических соображений, предъявляет учителям совершенно невыполнимые требования — стопроцентной успеваемости учащихся при всеобщем обучении, а так как выполнить эти требования невозможно, то учителя явно, на глазах у всех, занимаются очковтирательством. Особенно процветает эта система надувательства в школах рабочей молодежи, где всегда стоит перед учителями и перед администрацией угроза сокращения классов из-за большого процента отсева учащихся.

Хуже всего то, что эта система развращает учеников, — приучает их к лени и безделью. Ученик знает не хуже учителя, что как бы она себя ни вел, тройка и перевод в следующий класс ему обеспечены. Способные и добросовестные ребята этой привилегией не пользуются, однако "камчаточники", лодыри, хулиганы нагло бездельничают и буквально плюют в лицо учителю, заранее зная, что аттестат зрелости у них в кармане.

Разбалтывает эта система и хороших ребят — середнячков, которые могут хорошо учиться, но которым нужны какие-то подбадривающие средства /для того и существует пятибалльная система оценок знаний. Результаты поистине ужасны: из стен школы ежегодно выходят миллио-

ны людей с фальшивыми аттестатами зрелости. На работе, в институте не знают, что с ними делать: на школьную скамью их обратно не посадишь, в институте они учиться не могут, с работой они не справляются. Таких недоделок сотни тысяч, если не миллионы. Впрочем, и у тех, кто окончили десятилетку вполне добросовестно, знания также оставляют желать лучшего. Виной этому программы, — бестолково составленные учебники, учителя, недостаточно подготовленные. Чтобы не быть голословным, приведу конкретный случай. В IIБ школе рабочей молодежи в Москве в 10 классе, проходя Маяковского, я, между прочим, столкнулся с совершенно анекдотическим случаем: никто не мог мне сказать, в чем заключалась Октябрьская революция, между тем как по истории эта тема была уже пройдена /историю преподавал сам директор/. Учащиеся говорят: "Октябрьская революция". Я спрашиваю: в чем она заключалась? Отвечают: "Взятие Зимнего дворца". — А кто был в Зимнем дворце? — После долгого молчания получаю ответ: "Троцкий"!

Здесь сказывается коренной порок современной псевдо-марксистской историографии: все исторические персонажи как бы в железных масках /по выражению о.Сергия Булгакова/, все на одно лицо. Историк /в данном случае учебники, учитель/ дает формулы и совершенно не обрисовывает живых людей. Получается какой-то туман, и в этом тумане людей нет, есть одни очертания: Керенский, Троцкий — как-то фигуры без лиц. Кстати сказать, истории XX века в изображении школьных учебников и учителей представляется неразрешимой загадкой. От всего XX века остался один Ленин; те, кто были рядом с Лениным — Троцкий, Зиновьев, Каменев и др. — враги, они только и делали, что вредили. В 30-е-40-е годы рядом с Лениным всегда был Сталин. Это было лживо, но хоть логично. После 1956 года и Сталин под запретом. Что делать? Остается говорить о Ленине и только о нем одном. Дело доходит до анекдотов. В прошлом году в лагере — в Сычевке Смоленской области /почтовый адрес Я0 100/7/ в местной школе ученик спрашивает учительницу истории: "Кто был заместителем Ленина?" Ответ: "У него не было заместителей. Он все делал сам". — Как, ну а когда он бывал болен, кто его заменял? — Этот вопрос остался без ответа.

Не лучше обстоит дело и с литературой. Незначительное количество учебных часов при очень напряженной программе не дает учителю возможности детально проработать произведение и проконтролировать, читали ли его учащиеся.

В результате учащиеся сплошь и рядом "проскакивают" мимо произведения, знают о нем только по учебникам и в изложении учителя. А здесь сплошь и рядом литература становится нестерпимо скучной: все писатели похожи один на другого, все герои также лишены индивидуальных оттенков: все положительные герои — патриоты, все отрицательные — прохвосты. /Говорила же одна ученица, отвечая по "Грозе" Островского, что Катерина Кубанова патриотка/. В результате читать литературу не хочется, вся специфика художественного произведения исчезает. "Война и мир" становится подозрительно похожей на "Подвиг разведчика", Пушкин и Лермонтов — на Маяковского, Горький на Шолохова, — все они были патриотами и все только и думали о революции, — а что сверх того, то от лукавого."

Написал и задал вопрос: а так ли это? И тут же ответил себе: нет, не так! К счастью, есть чудесные учителя, учителя-герои, учителя-подвижники, которые /вопреки всем этим препятствиям/ умеют привить ученикам любовь к литературе, живой интерес к ней, — которые не щадят ни сил ни времени, работают от темна до темна и умеют донести до ученика великие идеи русской литературы и истории. Но для этого нужен талант, нужны знания, нужна самоотверженная любовь к своему делу. Можем ли мы требовать это от любого учителя? Не можем."

Что надо сделать в школе? Конечно, следует прежде всего повысить заработок учителя до уровня учителя старой гимназии, который мог позволить себе роскошь давать 12-18 уроков в неделю. И не больше! Следует навсегда покончить с процентоманией и восстановить старый добрый принцип: "Хороший учитель тот, кто ставит много единиц, — значит, он строго спрашивает, и не беда, если при этом не скончит школу несколько тысяч лоботрясов. Один неглупый человек говорил в таких случаях: "Лучше меньше, да лучше!" Надеюсь, мои друзья и враги, которые недовольны моим пристрастием к цитатам из этого автора, мне простят, если опять окажется, что этот человек был Ленин."

Необходимо восстановить в правах аттестат зрелости; выдавать его после строгих экзаменов. Необходимо восстановить переходные экзамены из класса в класс и строгие требования к учащимся."

Большим вопросом нашей школы является дисциплина. Советская школа — это самое парадоксальное из явлений нашей жизни. Это, кажется, единственная сфера, где царит полная анархия, ничем не ограниченная, никем не регулируемая вольница. Учитель практически

бессилен, ученик практически всемогущ. Чем он рискует и что с ним могут сделать? Исключить из школы нельзя: всеобщее обучение. Наложить взыскание? Таковой школа не имеет. Пожаловаться родителям? Но в семье, как правило, тоже царит тупое обожание ребенка. В школе его ласково журят и дома будут ласково журить. Такое нелепое воспитание прямо направлено на то, чтобы сделать из человека преступника, пьяницу или развратника. Вырастает недисциплинированный, безвольный человек, не привыкший сдерживать своих инстинктов, не имеющий никаких законов, кроме прихотей, - выходит он из школы и попадает в жесткие объятия железных лап. Тут с ним не шутят: поругаешься с кем-нибудь в общественном месте - 4 года. Подерешься - 5 лет. Совершенно ясно, что так продолжаться не может. Следует установить суровую требовательность к подросткам, не допускать проявлений хулиганства и злой воли. Ничто не должно проходить без наказания, ибо ничто так не развращает ребят, как безнаказанность. Лишение развлечений /в кино и театр ученик может ходить только с разрешения администрации школы/, оставление после уроков, публичные выговоры, перевод в нижний класс, публичное осуждение ученика на педагогическом совете с участием родителей, - таковы меры взыскания в школах общего типа.

Для неисправимых хулиганов и лодырей следует учредить особые, специализированные учебные заведения с жесткой дисциплиной военного типа, и со строгими наказаниями.

Следует отделить мальчиков от девочек, ибо слишком раннее сближение разных полов пручает к фамильярности, короткости между полами, а это способствует сексуальной разнузданности.

Как видит читатель, он имеет дело с очень жестким школьным учителем /к сожалению, только в теории - на практике я всегда был либерален/, но действительно необходимо навести порядок в школе. Когда-то Оскар Уайльд говорил очень забавно: "Есть три учреждения, где нужна железная дисциплина: это армия, театр и разбойничья банда, и если там нет дисциплины, то это плохая армия, плохой театр и плохая разбойничья банда". К этому надо прибавить: Оскар Уайльд не был педагогом, иначе бы он на первом месте среди этих учреждений поставил школу и только школу.

Что сказать о преподавании. Прежде всего нужны три типа школ: гуманитарная школа /аналогичная классическим гимназиям/, которая основное внимание уделяла бы литературе, истории, изучению языков, которая подготавливала бы филологов, историков, педагогов, техническая школа

/аналогичная реальному училищу/, в которой основное внимание уделялось бы естественным наукам и которая подготавливала бы будущих студентов технических институтов. И ремесленная школа, которая подготавливала бы будущих высококвалифицированных рабочих, давала бы конкретные трудовые навыки.

Ремесленные училища, правда, и теперь имеются, но они совершенно не соответствуют современным требованиям, предъявляемым жизнью: они совершенно не дают никакого образования. Ремесленное училище должно ничем в принципе не отличаться от десятилетия: оно должно выпускать образованных, хорошо воспитанных людей, владеющих в то же время трудовыми навыками. Короче говоря, оно должно выпускать людей, умеющих одинаково хорошо носить как синие, так и белые воротнички.

Из соображений экономии народных средств может быть нет необходимости создавать специальные мужские и женские учебные заведения, а лишь вводить отдельные мужские и женские классы в одной и той же школе. Создайте такое положение и будут благодарны родители, и будут благодарны ребята. Ничего так не любят ребята, как строгости с лаской, как ласку со строгостью.

И опять да будет позволено процитировать слова одного умного человека /нет! нет! на этот раз это будет не Ленин/: "Пусть строгость растворяется любовью, пусть любовь соединяется со строгостью". Так писал в V веке величайший проповедник христианства св. Иоанн Златоуст.

5. Судебная реформа.

Судебная реформа давно назрела, ибо суд — одно из самых слабых мест в нашей жизни. У нас суды /правда, лишь в низшей инстанции/ называются народными. В действительности они менее всего таковыми являются: народ их не уважает и не любит, не верит в их справедливость и в их компетентность. Судебный приговор — в глазах народа грубая, жестокая расправа, которой боятся и жертв которой жалуются. Неоправданно жестокие приговоры, звоночки из горькома и райкома, которые имеют место, мало культурные судьи, — все это не внушает уважения. Требуется коренная судебная реформа.

С чего надо начинать? — с самого начала: надо повысить качество юридического образования, которое теперь состоит исключительно из пережевывания учебников марксизма-ленинизма с небольшими изменениями по дисциплинам. Необходимо, чтобы юрист хорошо знал психологию, художественную литературу /А.Ф. Кош, как известно, сове-

товал юристам читать Достоевского/, историю права, изложенную вполне объективно, чтобы он мог читать в первоисточниках памятники права. Следует ввести Институт кандидатов на судебные должности, которые после окончания института помогали бы судьям^И на практике изучали бы судебное дело.

Во время следствия должен присутствовать адвокат, что совершенно исключит всякие недозволенные методы воздействия на подсудимого."

И, наконец, самое главное: должен быть восстановлен суд присяжных. Тот самый суд, о котором Ленин писал, что он является высшим достижением буржуазной юстиции и который он обещал восстановить в ближайшем будущем. Как известно, он и теперь еще не восстановлен. Какова же должна быть судебная реформа. Прежде всего, судьи должны быть независимы. Чтобы быть независимыми, судьи должны быть беспартийными; принадлежность судьи к какой бы то ни было партии надо бы запретить. Судьями могут быть беспартийные, имеющие юридическое образование люди. Чтобы обеспечить их полную независимость, судьи должны быть несменяемы: отстранить их от должности может только Верховный Суд СССР за совершенное преступление.

Не лишним будет напомнить, что из себя представлял суд присяжных. Прежде всего, никакого постоянного института заседателей быть не должно: потенциальными заседателями должны быть все граждане, проживающие в данном районе. Каждый день должны вызываться 100 граждан, по жребию должны оставаться 10 человек, и чтобы никто не знал заранее, какое дело он будет рассматривать.

Заседатели /или присяжные/ приносят торжественное обещание судить по совести, без всякого лицепрятия, выбирают из своей среды старшину и никак не соприкасаются с судом. После судебного разбирательства судья публично обращается к присяжным с напутственным словом, в котором дает юридический анализ дела. Затем заседатели удаляются на совещание для вынесения вердикта: "виновен", "не виновен", "виновен, но заслуживает снисхождения". На основе вердикта суд выносит приговор, который определяет в случае виновности подсудимого меру наказания. Как показала история, только такой суд является гарантией справедливости и независимости судей от давления власти /напомним хотя бы дело Веры Засулич или дело Бейлиса/.

х х х

Я никогда не был поклонником старой России, но была в дореволюционной России область, которая может быть предметом подражания -

это суд.¹ Русская судебная система была совершеннее судебной системы западно-европейских стран. Это объясняется тем, что она родилась только в 60-е годы прошлого века, после судебной реформы, проведенной Александром II; над ней не довлел груз средневековых традиций и они были выработаны на основе последних достижений тогдашней юриспруденции. Из этого, конечно, не выдвигается следствия, что она должна быть некритически перенесена в нашу действительность; однако то ценное, что в ней было, должно быть усвоено при выработке норм права.

Между тем советское право нуждается в коренной переработке.² Прежде всего речь идет о сроках наказания.³ Всем памятли сталинские времена, когда за колосок давали 20-25 лет.⁴ заключения в лагерях. В настоящее время в действующем кодексе наиболее вопиющие, драконовские санкции устранены. Однако и сейчас имеют место санкции, совершенно не соответствующие преступлению. Результаты получаются парадоксальные: всякий непредубежденный человек более сочувствует преступнику, чем его жертве и чем судьям, его осудившим.⁵ Например, никто никогда, конечно, не будет сочувствовать хулигану. Но когда парню, случайно подравшемуся с прохожим /видели ли вы парня, который ни разу в жизни ни с кем не подрался?/, дают пять лет лагерей, то невольно начинаешь сочувствовать этому парню.⁶ Советское право рождает удивительные парадоксы: парню за матерную ругань,⁷ произнесенную публично, могут дать 2-3 года. После этого он едет в лагерь,⁸ где его воспитывают начальники, которые все без исключения /начиная от начальника лагеря, кончая последним надзирателем/ непрерывно, непрестанно публично матерятся, где матерятся и все заключенные, причем здесь это несколько никем не возбраняется. Следовательно, прежде всего настоятельной необходимостью является реформа сроков: наказание должно соответствовать преступлению; нельзя за убийство давать 10 лет,⁹ а за случайную драку - 5 лет /всего лишь в два раза меньше/.

Наказание за маловажные преступления: драку, хулиганство, мелкую кражу - не должно превышать 1 года. Более серьезные преступления: рецидивы, кражи со взломом, увечья, нанесенные со злым умыслом - 5 лет. Убийства, злостные хищения и т.д.¹⁰ - 10-15 лет.¹¹

Смертная казнь, применяемая, ~~вредящая~~ правда, и сейчас в очень редких случаях, чего нельзя не приветствовать, - должна быть отменена.¹² Далее следует остановиться на карательной системе.¹³ Как это ни печально и ни парадоксально, необходимо строить тюрьмы - и этого требует гуманность. Да, да, стройте тюрьмы, - таково пожела-

ние старого тюремного сидельца, сидевшего на своем веку в 16 тюрьмах. Их необходимо строить, ибо большинство тюрем переполнено, заключенные находятся в совершенно кошмарных условиях: спят вповалку, задыхаются от отсутствия воздуха /особенно в летние месяцы/, лишены элементарных удобств. Таковы в Москве тюрьмы в Матросской Тишине, на Красной Пресне. Таковы тюрьмы в Армавире, Вязьме, тюрьма при милиции в г. Сочи и других местах. Необходимо покончить с этим средневековьем, потому что пребывание в подобной тюрьме, по существу, превращается в пытку.

Что касается лагерной системы, то, рискуя удивить моих читателей, скажу, что я не считаю ее порочной. Исправлять уголовного преступника трудом — в своей основе правильная мысль, ибо ничто так не развращает человека, как безделье. Разумеется, если имеются лагеря, то их незачем превращать в санатории, и режим там должен быть достаточно строгим, однако должны быть гарантии против произвола и беззакония. Общественные организации вправе поинтересоваться, что творится за тюремными стенами и за колючей проволокой лагерей и им должна быть предоставлена такая возможность.

6. Защита прав трудящихся.

Мы задела так много вопросов, заинтересовались столькими проблемами, что почти совершенно забыли о нашем друге шофере. Вернемся к шоферу!

Всё, о чем мы писали, имеет к нему непосредственное отношение: он хочет на свою зарплату покупать хорошие, дешевые продукты, хочет не дрожать над каждой копейкой, хочет, чтоб он, его жена и дети были хорошо одеты. Он хочет, чтоб не было войны, чтоб его дети учились в школах, чтобы там их хорошо учили и приучали к дисциплине и чтобы, если он заболел, его хорошо лечили, а если он попадет под суд /"от тюрьмы и от сумы не зарекайся"/, чтобы этот суд был справедливый и в меру гуманный.

Но, как помнит читатель, шофер хочет и еще одного: он хочет защищать свои интересы и хочет, чтобы были люди, которые защищали бы его интересы. Короче говоря, он хочет, чтобы были свободные, не зависящие от администрации, не боящиеся администрации профсоюзы. Он хочет иметь такие профсоюзы и такую возможность следует ему предоставить. Дайте рабочему возможность выбрать тех людей, которым он доверяет, из своей среды, которые защищали бы его интересы. Предоставьте ему возможность собираться и выбирать таких людей, организовывать эти профсоюзы так, как он этого захочет и как он это найдет нужным.

Многим покажется, что это будет способствовать развалу производства. Но так могут рассуждать лишь люди, разращенные сталинским руководством, не представляющие себе сознательной, товарищеской дисциплины. Для того, чтобы требовать, надо что-то давать; дайте возможность хорошо зарабатывать, оградите рабочего от несправедливостей, — и потом требуйте от него трудовой дисциплины, хорошей, четкой, слаженной работы. И потом гоните пьяниц, лодырей, шкурников и с фабрик и заводов, никто за них заступаться не будет, и сами рабочие возьмут их за шиворот и скажут: "Мы на тебя работать не желаем. Пошел вон, паразит!" и вышибут с завода, фабрики, из производственной артели.

II. ПЕРЕГРУППИРОВКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Мао, анализируя обстановку, сложившуюся вейчас в мире, обрели знаменательную фразу: "В настоящее время в мире происходит гигантская перегруппировка". Независимо от того, что хотел этим сказать китайский оракул, он правильно уловил суть тех процессов, которые происходят на нашей планете.

В мире происходит грандиозная перегруппировка во всех областях, и так или иначе она должна коснуться и нашей страны. В частности, следствием тех реформ, о которых говорилось в предыдущей главе, должна явиться грандиозная перегруппировка народного хозяйства. Прежде всего должны быть огромные пертурбации в тяжелой промышленности, которые можно охарактеризовать одним словом: перевод промышленности на мирные рельсы, так как в настоящее время наша тяжелая промышленность носит ярко выраженный военный характер. В первую очередь свертывание военной промышленности даст возможность развернуть автомобильные заводы, а также производство сельскохозяйственных машин, гражданское самолетостроение, электронную промышленность, широкое строительство в городах и селах. Могут сказать, что и в настоящее время во всех этих областях проводится большая работа. Это, конечно, правильно, однако, то, что делается — лишь капля в море по сравнению с тем, что сделать предстоит. Чтобы выяснить вкратце, каково положение в настоящее время, пойдём к нашему приятелю шоферу и спросим, сколько сейчас имеется в Москве такси. Он вам ответит: 16 тысяч; это вдвое больше, чем было 20 лет назад. Между тем, как московские пространства выросли за это время в 5-6 раз /"большая Москва"/. При нормальных условиях сейчас в

360 :
начать с
наркоз-ва

0
E

Москве должно было бы быть минимум 2 45 тысяч такси,¹ а учитывая большое количество приезжих — 60 тысяч.² Правда, несмотря на недостаток машин,³ в будние ~~иные~~ дни мы часто видим автомобили с зелеными огоньками.⁴ Чем это объяснить? Объяснить это можно лишь тем, что часто пользоваться этим видом транспорта не по средствам большинству жителей столицы. Снизьте цены — и в десять раз возрастет количество ежедневных перевозок.⁵ Автомобилям понадобится в десять раз больше; в десять раз больше понадобится гаражей, высококвалифицированных шоферов, умеющих водить машину в сложных условиях большого города, понадобится в десять раз больше бензина, карбюраторов, запчастей, в десять раз больше механиков и т.д.⁶ и т.п.⁷

Даже на этом первом попавшемся примере мы видим, как улучшение материального положения сразу выдвигает новые требования и приводит к грандиозной перегруппировке в народном хозяйстве /в данном случае в автомобильной промышленности/.

Или взять другую область: гражданское строительство.⁸ Всем известно о большом строительстве жилых домов за последние 20 лет.⁹ И тем не менее темпы этого строительства совершенно недостаточны.¹⁰ Поясним опять на примере: московская рабочая семья,¹¹ состоящая из четырех человек: муж, жена, двое детей получают 2-х комнатную квартиру /детям 10-12 лет/. Великолепно! Но вот проходит 10 лет. Дети превратились: мальчик — во взрослого парня,¹² девочка — в девушку.¹³ В квартире становится теснее,¹⁴ брат с сестрой, вынужденные жить в одной комнате, уже косо поглядывают друг на друга, но все еще сносно и жить можно.¹⁵ Но через год девушка выходит замуж,¹⁶ парень женится,¹⁷ у них появляются дети, — и жизнь становится совершенно невозможной и невыносимой. Есть, правда, надежда, что девушка найдет себе мужа с квартирой, а парень невесту с комнатой, но ведь трудно: у жениха тоже папа с мамой, братья и сестры, не говоря уже о том, что жилищный вопрос, когда он впутывается в сердечные отношения, сразу накладывает особый колер пошлости; аромат первой любви улетучивается, проза вторгается в поэзию жизни.¹⁸ Но возьмем изначальный момент.¹⁹ Так ли уж хорошо семье из 4 человек жить в 2-х комнатной квартире?

В 1919 году в г.Саратове проводилось жесткое уплотнение в буржуазных квартирах.²⁰ В квартиру моего дальнего родственника генерала Карабашева вселили две рабочие семьи,²¹ оставив Карабашевым две комнаты.²² Его недоуменный вопрос генеральши: "Где же мы будем есть?" последовал ответ: "Жрите, где и спите".²³ Этот ответ поверг

в ужас буржуазную семью /рабочую семью это не поразило бы/. Но теперь пора рабочим семьям дать столовую, детскую, отдельную комнату для занятий.

Для того, чтобы полностью удовлетворить потребность в жилищной площади, надо, чтобы каждая семья имела 4-х комнатную квартиру /то, что нынче доступно лишь богатым, которые могут приобрести кооперативную квартиру/. Мы сказали о Москве, а что сказать о Смоленске, Рязани, О Кимрах и Кашине, население которых также непрерывно растет, а жилищное строительство протекает гораздо более вялыми темпами.

Таким образом, предстоит огромное расширение темпов строительства, — и для этого нужны огромные средства, огромное количество строительных рабочих. Где их взять? Из тех средств, которые сейчас расходуются на военные нужды. Вот второй пример грандиозной перегруппировки, которая предстоит нашей промышленности. Эта перегруппировка тесно связана с великой технической революцией, которая происходит сейчас во всем мире и которая должна неминуемо произойти и у нас.

Увлекательные перспективы технической революции привлекают сейчас внимание многих людей, далеких от техники. И в первую очередь этим должны заинтересоваться наши гуманисты. Бывали ли вы, дорогие коллеги, когда-нибудь, скажем, в литейном цеху? Мне приходилось часто бывать в литейном цеху Ленинградского завода "Электроаппарат" в 1937 году, где я заведовал школой малограмотных. Назвать литейный цех адом — это слишком слабо /слова от частого употребления теряют свежесть и силу/. Я не представляю себе ничего ужаснее литейного цеха: проработать 8 часов в жаркий летний день в таком цеху, при температуре 50° по Цельсию — может ли быть что-нибудь более кошмарное? Недавно я заинтересовался: есть ли сейчас какие-нибудь изменения в литейных цехах? Спросил десяток рабочих-литейщиков и убедился: единственное нововведение — душ. Никакого облегчения в работе нет и не предвидится. Пример как-будто незначительный /впрочем, не такой уж незначительный, — речь идет о труде сотен тысяч человек/, а между тем по нему можно судить, насколько неправилен тот путь, по которому пошла техническая мысль как на Западе, так и у нас. Вместо того, чтобы облегчить труд человека, наша техническая мысль занята, в основном, вопросами рентабельности, снижения себестоимости производства. Но это не соответствует интересам рабочего человека: для него дороже всего его здоровье, он хочет, чтоб труд был радостью, а не пыткой, и он требует от уче

ных, чтоб они облегчили его труд. Техническая революция должна поэтому в первую очередь коснуться литейного дела, каменноугольной промышленности, труда доменщиков и забойщиков, труда лесорубов /он в настоящее время механизирован, но недостаточно/ и грузчиков, тех, "чьи ^{эти} ~~рабочие~~ ^{руки}, предоставив почтительно нам погружаться в искусство, в науки, предаваться мечтам и страстям".

Впрочем, не так уж почтительно: можно понять литейщика и грузчика, которому попереки горла становятся ученые люди, без конца рассуждающие о техническом прогрессе, и не желающие пальцем шевельнуть чтобы облегчить его труд.

х х х

А.И. Солженицын в своей записке правительству ругает против больших городов. Как это ни странно, он в этом отношении повторяет Энгельса, который более ста лет назад предсказывал исчезновение больших городов при коммунизме.

Что касается меня, то я в этом вопросе полностью согласен со Сталиным, который указывал на совершенную утопичность подобных надежд в наш век, век гигантских заводов и огромной концентрации ~~производства~~ ^{X/} промышленности.

Следует раз и навсегда оставить подобные химеры: рост больших городов — процесс вполне закономерный и остановить его невозможно, и все юли дилетантов о загрязнении атмосферы и о якобы предстоящей гибели человечества не стоят выеденного яйца: от чумы и холеры не погибли, от кровопролитнейших войн не погибли, — переживем и "загрязнение атмосферы", от которого современная техническая мысль может найти очень эффективные средства.

Совершенно неубедительны и панические вопли об иссякновении естественных ресурсов. Все эти страхи могут вызвать лишь улыбку у людей моего поколения. Все мы были свидетелями того, как страна с минимальными естественными ресурсами смогла в течение шести лет /с 1933 по 1939 гг./ создать гигантскую промышленность и вооружить армию, бросившую вызов всему миру, — именно в это время появляется в обиходе крылатое слово "эрсаци" /заменители/.

Это слово имело зловещий оттенок, т.к. с ним ассоциировалась

X/ Вот и еще одна "перегруппировка": Солженицын оказался в одной компании с Энгельсом, а я со Сталиным.

дьявольская работа гитлеровской Германии и ее подготовка к мировой войне! Однако само по себе слово это не означает ничего плохого: по мере иссякания естественных ресурсов будут появляться эрзацы. И это породит целый ряд новых отраслей промышленности! Современные социологи часто пишут о том, что в результате технической революции белые воротнички вытеснят синие: рабочий становится интеллигентом!

Рабочий менее всего боится этого: он дает образование сыну, он приносит ему книги, он хочет, чтобы сын стал культурнее и образованнее, чем он. Белый воротничек становится символом нашей эпохи. Дух захватывает от этой перспективы: как изменится жизнь, когда культура, которая я сейчас является достоянием еще немногих, пропитает весь земной шар.

По своим культурным и нравственным последствиям техническая революция превзойдет все предыдущие революции: она и только она может превратить жизнь в чеховский "цветущий сад". И после этого находятся люди, которые говорят о невозможности беспредельного прогресса в технике.

Нет! Прогресс в технике поистине беспределен, как беспределен прогресс во всех областях, ибо стремление к прогрессу является самой сущностью человеческой природы, и в этом стремлении в наибольшей степени проявляется в человеке Образ и Подобие Божие!

2. Перегруппировка народного хозяйства и кооперация.

Повышение материального уровня населения повлечет огромную потребность в развитии легкой промышленности. Собственно говоря, без развития легкой промышленности самое снижение цен теряет всякий смысл. Что толку, если хороший костюм будет стоить 60 рублей, когда ни в одном магазине его нельзя будет достать, и для того, чтобы его купить, надо будет простоять сутки в очереди!

Итак, легкая промышленность. Конечно, для расширения легкой промышленности может послужить значительная часть средств, которые сейчас расходуются на военные нужды; однако, нельзя закрывать глаза на то, что этих средств совершенно недостаточно, чтобы реорганизовать в короткий срок легкую промышленность. И здесь следует вспомнить ныне забытое слово: кооперация.

В современном обществе очень возрастает роль государства как руководителя хозяйственной жизни. История оправдала предсказания социалистов о том, что частная собственность на средства производ-

Сак.
Club of Rome
Felsenstein

ства в век огромных заводов и гигантских промышленных комплексов /трестов, синдикатов, картелей/ вскоре станет анахронизмом. Из этого, однако, вовсе не следует, что государство должно непременно заниматься всеми мелочами быта, вплоть до изготовления шурупов и что чистильщиков обуви надо делать государственными служащими.

Кооперация производственная и потребительская — вот тот вспомогательный отряд, который должен обслуживать население. Государство должно рассматривать кооперацию как своего помощника и друга. Именно в этой области должна найти свое применение творческая инициатива людей, одаренных хозяйственными способностями. Последнее время о кооперации вспомнили в связи с жилищным строительством — и это дало хорошие результаты: кооперативный дом вы узнаете сразу, там и полы хорошие, и лестницы иначе оформлены и потолки более высокие, и квартиры трех-четырёхкомнатные. Только доступны они не рабочему и не среднему служащему, а /как сказано выше/ богатым.

Производственная артель, объединяющая на добровольных началах несколько десятков работников, зарегистрированная соответствующим образом, получив на начальной стадии /на взаимобразных началах/ соответствующую субсидию со стороны государства, быстро отрабатывает субсидию и займет почетное место в системе обслуживания населения. Так вырастут пошивочные, сапожные мастерские, парикмахерские, прачечные, часовые мастерские, а потом и более мощные производственные объединения. Конечно, здесь имеется опасность, что руководство кооперативом может захватить кучка жуликов, которая будет заниматься всякими махинациями, чтобы присвоить львиную долю барыша, но на то и щука в море, чтоб карась не дремал. Роль карася в данном случае должны играть органы ОБХСФ, которые должны быть реформированы, расширены и укреплены юридически образованными бескорыстными кадрами.

Но если кооперация может играть большую вспомогательную роль в сфере производства, то особенно велико ее значение в сфере потребления. В этой сфере кооперация должна стать ведущей силой. Люди моего поколения помнят, как во всех учреждениях, на всех предприятиях существовали кооперативы. Каждый рабочий, служащий вносил определенный взнос ежемесячно, получал на руки книжку члена потребительской кооперации. По этой книжке он получал в "своем" магазине товары со скидкой. Магазин был открыт для всех, но член кооператива был хозяином: он требовал, чтобы товары были хорошего ка-

чества, чтоб обслуживание было на высоте, чтоб не обмеривали и не обвешивали, чтоб за прилавком не спали и не бездельничали.⁴

Потребительская кооперация сумеет быстро оздоровить большую атмосферу, создавшуюся сейчас в сфере потребления. Ибо то, что мы сейчас видим в этой области, нельзя иначе назвать, как прямое провоцирование воровства. Приведем пример: Повар в вагоне-ресторане получает зарплату 70 рублей. Представьте себе молодого парня, который имеет в своем распоряжении продукты, возможность заработка и должен жить впроголодь. Всякому понятно, как можно жить на 70 рублей. Конечно, он будет разбазаривать продукты. Разбазаривает, продает их на станциях, - готовит такие обеды, что пассажиры встают из-за стола голодные и с ощущением тошноты. Вора ловят и дают ему 10 лет лагерей.⁴ Кто виноват? В основном те, кто поставил его в такое положение.⁴ Не проще ли дать возможность поваренку получать деньги с выработки? Тогда и обеды станут вкуснее и работать он станет проворнее, и пассажиры будут сыты, и продукты целы,⁴ и все будут довольны. Тогда мы снова увидим за прилавками юрких, ловких приказчиков /ничего, кстати сказать, плохого в этом старинном русском слове нет/, официантов, заинтересованных в том, чтобы хорошо обслуживать, квалифицированных коммерсантов-^{инициативистов}; и никого в тюрьмы сажать не придется и все будут довольны, и ортодоксальным ленинцам нечего будет возразить, - не сам ли Ленин ратовал за кооперацию.

В 1942 году летом я прожил несколько месяцев в Пятигорске.⁴ Жил я в Доме Крестьянина. Против Дома Крестьянина был огромный рынок, заваленный товарами.⁴ Стакан простокваши стоил 5 рублей - 50 копеек.⁴ Попадаю в Пятигорск через 20 лет /в 1962 г./ - эпоха Хрущева.⁴ Иду на рынок, рынок пустой /хоть шаром покати/ - через крытый рынок плакат: "Гони спекулянтов с рынка!" На весь рынок одна старуха, которая продает простоквашу.⁴ Спрашиваю: "почем?" - 70 копеек, на 20 копеек больше, чем во время войны.⁴ Что удивительно в том, что обитатели Дома Крестьянина не могли произносить имени Хрущева без скрежета.⁴ зубовного и лирически вспоминали о Сталине.⁴

Необходимо восстановить рынки и создать на них обилие дешевых и хороших товаров. Без частной инициативы, без творческой сметки, без талантливых деловых людей... всего этого не могут дать чиновники на зарплате.⁴ Это может дать кооперация и только кооперация.⁴

III. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Написал этот подзаголовок и смутился. Сельское хозяйство в нашей стране — это настолько запутанная и больная проблема, что разрешить ее не под силу не только одному человеку, но даже не под силу и всему народу. Нужно какое-то и довольно продолжительное время, нужны дружные настойчивые усилия миллионов людей, чтобы привести этот вопрос к благополучному разрешению.

Мы не будем здесь касаться истории вопроса: мы не будем говорить ни о преступной политике Сталина, ни о гнусном ограблении крестьян в послевоенные годы, ни о дурацких экспериментах Хрущева, разорвавшего сельское хозяйство. Отметим, что за последнее время положение на селе нормализовалось /и это, конечно, делает честь нынешнему правительству/: колхозник получает вполне приличную оплату за поставки /покончено с грабительскими "символическими" ценами/. Крестьянин живет сейчас не хуже горожанина, а в некоторых местностях /как, например, на Северном Кавказе/ даже значительно лучше. Тем не менее положение в сельском хозяйстве не может не внушать величайшего опасения: прежде всего в сельском хозяйстве чрезвычайно низкая производительность труда. Россия — житница Европы — стала постоянным экспортером хлеба /что это? кошмарный сон или кошмарная действительность?/. Не удастся приостановить катастрофического бегства из деревни молодого поколения: это же факт, что половина и даже больше половины деревенских парней после армии оседают в городах, а остальные под всеми предложениями стремятся в город.

Для всех ясно, что ни колхозная, ни совхозная система себя не оправдывают. В чем их порочность? Порочность их в том, что они не учитывают специфики сельского хозяйства. Вы никогда не превратите сельское хозяйство в завод. Работа крестьянина — кропотливая! Необходимо, чтобы труженик обрабатывал бережно, любовно, усердно каждый вершок земли, чтобы он берег каждый колосок, чтобы он дорожил каждой картошкой, каждой ягодкой.

Между тем, при колхозной и совхозной системе отсутствует это любовное отношение крестьянина к земле, утеряна нежность к земле; только этим можно объяснить тот факт, что значительная часть урожая остается не снятой, земля плохо и очень небрежно обрабатывается, крестьянин, покидая родную землю, бежит в город. Очень наивны также те, кто советует вернуться к единоличному хозяйству: 44 года коллективизации не прошли даром, выросло новое поколение,

Так
можно
не сразу
решить
проблему

которое никогда не знало частного хозяйства; если сейчас дать крестьянину землю в единоличную собственность, он попросту испугается и убежит от земли.

Не надо строить иллюзий! с единоличной обработкой земли в России покончено навсегда. Между тем, необходимы срочные меры, чтобы поднять сельское хозяйство: нужно не только приостановить бегство из деревни, — но необходима реконкиста — возвращение русского человека к земле, иначе Россия к концу века останется без хлеба.

Итак, что нужно сделать, чтобы вернуть крестьянина к земле? Нам кажется, что наиболее эффективной формой крестьянского труда в настоящее время является сельскохозяйственный кооператив, который великолепно оправдал себя в Польше, Венгрии и в ~~некоторых~~ балканских странах. Каждая крестьянская ^{семья} ~~личия~~ должна иметь свой земельный участок, который должен быть закреплен за ней в наследственное владение. Землей следует наделять семью, учитывая количество ее членов. В распоряжении кооператива всегда должен быть запасный земельный фонд, который должен использоваться для наделения землей в случае увеличения семьи. Каждая ^{семья} ~~семья~~ должна твердо знать, что основной продукт, который снимет крестьянин, поступит в ее пользование. В то же время крестьянское хозяйство не должно быть само-довлеющей величиной. Оно должно быть частью общего кооперативного хозяйства и вливаться в общий поток сельского хозяйства страны. Что же должно соединять это хозяйство с другими подобными? Прежде всего это должен быть машинно-тракторный парк. Необходимо во что бы то ни стало увеличить выпуск сельскохозяйственных машин, завалить ими деревню, — запашка, обработка земли должны быть общими и руководить ими должно правление кооператива. Определенная, строго запланированная часть продукции должна поступать кооперативу, а затем и государству. Разумеется, общий кооперативный труд должен быть подчинен определенному плану, принимаемому с учетом местных условий и желанием членов кооператива. В то же время должна быть развернута система кооперативных рынков, причем здесь тот пункт, в котором городская кооперация смыкается с сельскохозяйственной. Городские кооперативы скупают сельскохозяйственную продукцию и являются посредниками, через которых продукты поступают к покупателю. В других случаях сельхозкооперативы вывозят свою продукцию на рынок. И то и другое допустимо /в зависимости от местных условий/.
В то же время на селе должна быть кооперативная демократия.

Все основные вопросы должны решаться кооперативным собранием, должна быть восстановлена в правах деревенская сходка. Правление кооператива должно избираться тайным голосованием, причем в нем должны состоять уважаемые хозяева, настоящие труженники, потомственные крестьяне из местных жителей.

Важную роль должно играть в восстановлении сельского хозяйства воспитание молодежи. Все школы в сельской местности должны не только выпускать образованных людей, но и людей, оснащенных агрономическими знаниями и имеющих навыки в области сельского хозяйства. Большую роль должна играть в этом и армия: солдаты должны использоваться на сельхозработах, причем полезно здесь использовать деревенских парней, чтоб они не отрывались от сельского хозяйства. Опыт XX века учит, что нет ничего легче, чем сделать крестьянина горожанином, — нет ничего труднее, чем вернуть его обратно в деревню /а коренного горожанина сделать сельским жителем почти невозможно/.

И все же надо совершить это невозможное: надо повести широкую агитацию среди городской молодежи, призывая ее идти к земле помогать родному народу, надо вызвать такое движение — при умелом подходе этого достигнуть можно и должно.

Пойдут в деревню романтически настроенные ребята, увлеченные поэзией сельского труда; пойдут и деловые люди, если поймут, что деревня даст им хорошую, безбедную жизнь.

Пойдут и принесут в деревню городскую культуру, жажду знаний и поиски смысла жизни, живой интерес к политике и религии, ко всему необъятному миру. И расцветет тогда деревня, исконная русская деревня, в условиях свободного радостного труда, как неопалимая купина.

Разумеется, все сказанное выше не является догмой. Не всюду и не везде нужны сельскохозяйственные кооперативы: в бедных северных областях, в Новгородской, Псковской, Ленинградской они не только не нужны, но, вероятно, и невозможны. Здесь наиболее подходящей формой сельскохозяйственного труда является совхоз, так как без государственной поддержки здесь крестьянин не обойдется. Совхозы нужны и на целинных землях /во всяком случае, ближайшее десятилетие/, потому что состав населения здесь пришлый, мало привикший друг к другу — здесь нет коренных жителей и давних традиций. Однако по нашему глубокому убеждению именно сельскохозяйственный кооператив — это та форма хозяйства, которой принадлежит будущее.

Она является предпосылкой возрождения крепкой крестьянской семьи, крепкой крестьянской общины и доброй русской деревни.³

Итак, перегруппировка народного хозяйства неминуема. Она совершенно изменит городскую и сельскую жизнь и создаст предпосылки для счастливого будущего.⁴

III. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

"Культурная революция? Однако! До чего может дойти взбунтовавшийся мелкий буржуа". — Так сказал мне несколько месяцев назад один весьма почтенный профессор — экономист, воспитанный на традиционной марксистской фразеологии, услышав из моих уст этот термин.⁵

И все-таки. Все-таки культурная революция, — и требуют ее не только "мелкобуржуазные" интеллигенты, а весь без исключения народ. Сейчас этот термин ассоциируется у нас с маоистским разбоем, но ведь в этом виновата вовсе не культурная революция. И здесь не грех вспомнить, как родился этот термин. А родился он в 20-е годы, в атмосфере энтузиазма, когда стояла задача сделать грамотным не знающий ни одной буквы 100-миллионный народ. Тысячи интеллигентов принялись за это дело. Над страной прозвучал призыв: "Трижды гранит науки" — и миллионы юношей и девушек, полуголодных, полураздетых, необученных бросились в рабфаки, в училища, школы. И произошла культурная революция, — миллионы людей овладели грамотой. Сейчас даже странно вспоминать, что еще полсотни лет назад на каждую деревню приходилось 2-3 грамотея.⁶

Сейчас стоят еще более сложные, серьезные задачи. Народ, из неграмотного ставший малограмотным, невежественный, потерявший веру во что бы то ни было, — жаждет правды, рвется к культуре, хочет чтобы кто-нибудь дал ему хлеб жизни. И каждый раз в протянутую руку, мозолистую, загрубелую, но мощную руку рабочего и крестьянина вкладуют камень. Камень казенной, лишенной всякого смысла фразеологии.⁷

В мае прошлого года, когда я в столюпинском вагоне совершал арестантский переезд из московской Лефортовской тюрьмы обратно в лагерь, ко мне подбежал конвоир-армянин и, беспокояно оглядываясь по сторонам, спросил: "Как надо жить?" В Сычевском лагере — в Смоленской области — я услышал однажды из уст рыжего парнишки, сидевшего за хулиганство и пьянство, отчаянную фразу: "Хоть бы кто-нибудь сказал, что делать!"

И миллионы людей обращаются с этим вопросом к интеллигенции. Десятки миллионов хотели бы обратиться, но не знают, к кому. Известны слова Сократа: "Я не могу за тебя родить истину, но я могу быть повивальной бабкой и помочь родить истину". Вся мировая культура не может родить истину, ее может родить лишь сам человек. Назначение мировой культуры — быть повивальной бабкой, которая поможет родиться истине. Вся беда в том, что современное уродливое воспитание не только не помогает родиться истине, но способствует рождению лжи. Но ложью нельзя жить, — и потому человек томится, тоскует, ищет утешения в водке, разврате, наркотиках.

Мы пишем, однако, не философский трактат. Нас интересуют практические выводы: как должна быть перестроена современная культура в нашей стране, чтоб она насыщала человека, давала бы ему не камень, а хлеб, делала бы его честным, смелым, знающим? И начинать надо с самого начала — со школы. Выше мы писали о тех неотложных, необходимых реформах, в которых нуждается школа. Однако, этих реформ еще недостаточно: самое обучение и воспитание в школе должно быть перестроено.

Мы уже говорили о необходимости разделить среднее образование на три типа: гуманитарное, техническое, ремесленное. К ним следует присоединить также сельскохозяйственное образование /для сельской местности/ и специальные /военные — для офицеров — типа кадетских корпусов/. Это разделение не вполне точно, ибо гуманитарна должна быть любая из этих школ. Когда-то Пирогов, не только великий хирург, ^и и великий педагог говорил, что надо воспитывать не инженеров, врачей, землемеров, а людей. Воспитать человека, — вот главная цель школы. И здесь могут помочь только гуманитарные предметы: литература, история, философия, социология ^{X/}. Белинский говорил, что самым интересным для человека будет всегда человек. А ведь гуманитарные науки и говорят о человеке. На первое место следует поставить литературу. Литература /как предмет, независимая от русского языка/ должна начинаться уже в третьем классе. Уже в 3-м классе следует ученикам рассказывать о Ломоносове, Державине, Фонвизине, Карамзине; Буковском.

X/ Для меня как для верующего христианина главным средством воспитания является, конечно, религия. Я, однако, сознательно отвлекаюсь от этой стороны жизни здесь. Об этом смотри следующую главу "Религиозная проблема и пути ее разрешения".

Все это десятилетний ребенок вполне в силах понять и запомнить: с каким волнением он будет сопутствовать архангельскому крестьянскому парнишке на пути из Денисовки в Москву, как будет искренне смеяться над Митрофанушкой, как будет сочувствовать бедной Лизе. Надо только суметь все это подать, как следует, ярко, талантливо, интересно. Как неправильно мы делаем, что лишаем наших десятилетних детишек всех этих сокровищ и как сейчас мы завидуем нашим коллегам-учителям, которые будут открывать дверь в русскую литературу нашим детям.

Театр /там, где он есть/, кинофильм, - там, где театра нет, - придет здесь на помощь учителю, покажет ребятам "Недоросля", покажет и Ломоносова /вспоминается хороший кинофильм 20-х годов - "Сын рыбака"/. Четвертый класс должен быть посвящен Грибоедову. /"Горе от ума"/. Нет лучшего средства воспитать в ребенке ненависть к подхалимству, ограниченности, мракобесию. Нет лучшего средства заставить полюбить русский язык. На это не жалко потратить полгода. Следующие полгода следует посвятить А.С.Пушкину. И здесь как раз время отворить ребенку дверь в чарующую русскую поэзию. Пушкинская лирика, "Руслан и Людмила", южные поэмы, "Дубровский". Все это надо пройти, не комкая, не торопясь, не считаясь с затраченным временем, чтоб пушкинское слово запечатлелось на всю жизнь. Пушкин пусть перейдет вместе с ребятами из 4-го в 5-й класс /он отныне будет сопровождать школьника всю жизнь/. В пятом классе следует пройти "Повести Белкина", /Бориса Годунова", маленькие драмы, "Медного всадника", "Скупого рыцаря" и "Евгения Онегина".

Таким образом, полтора года ученики должны заниматься одним лишь Пушкиным. Не ужасайтесь, товарищи учителя, дорогие мои товарищи, ученики будут вам за это впоследствии благодарны. Опять напомним слова умного лысого дяденьки: "Лучше меньше, да лучше". 6-й класс следует посвятить Лермонтову /1-е полугодие/, Гоголю - второе полугодие: "Вечера на хуторе близ Диканьки", "Ревизор", "Женитьба", "Миргород", "Мертвые души". 7-й класс - Тургенев /"Записки охотника" - в отрывках, "Рудин", "Дворянское гнездо", "Накануне", "Отцы и дети"/. И.А.Гончаров /"Обломов" - в отрывках, "Обрыв"/. Некрасов и Салтыков-Щедрин.

8-й класс - Л.Н.Толстой. /"Детство и отрочество", "Война и мир", "Анна Каренина", "Воскресение", "Исповедь"/.

9-й класс. Достоевский. "Преступление и Наказание", "Идиот";

"Братья Карамазовы" - что-либо из трех, по выбору учителя. А.П.Чехов. Драммы, рассказы. А.М.Торький. "Старуха Изергиль" и другие ранние рассказы, "Мещане", "На дне"; "Дело Артамоновых" и "Жизнь Клима Самгина".

10-й класс. I-е полугодие. Вводная лекция - русская поэзия. А.Блок, Маяковский, Есенин, Пастернак. Шолохов "Тихий Дон". Фадеев "Разгром", "Молодая гвардия". Н.Островский "Как закалялась сталь". А.Солженицын. "Один день Ивана Денисовича".

2-е полугодие. Классики мировой литературы - Шекспир и Гёте.

Как видит читатель, эта программа не вносит коренных изменений в то, что в настоящее время проходит в школе. И никакой революции в этом нет. Революция - в другом. Сейчас эта программа "проходит" "галопом по Европе" и никто ее все равно не знает. Когда творчество этих писателей проникнет в плоть и кровь всего без исключения населения, когда не будет ни одного человека /пастуха, кочегара, крошечника/, который не знал бы наизусть всего Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, который не знал бы Льва Николаевича Толстого и Достоевского - то это и будет культурная революция.

Каково должно быть преподавание литературы? Оно должно быть прежде всего научным. Надо изучать классиков такими, какими они были, и незачем приписывать им того, чего они никогда не говорили, и того, о чем они никогда не думали. Между тем современное преподавание литературы анекдотично: когда у Лермонтова встречается выражение: "Есть Божий суд, наперсники разврата", - учителя говорят, что Лермонтов имеет ввиду "суд народный". А о Толстом судят по юбилейной статье Ленина, - статье талантливой и интересной, но не исчерпывающей и в малейшей степени значения величайшего правдоискателя и художника.

Выше изложенная программа является минимумом для всякого образованного человека. В гуманитарных школах эта программа должна быть расширена; там должна преподаваться античная литература, история театра, живописи, музыки /факультативно/.

Мы говорили о литературе. Еще большее значение должно придаваться истории - этой матери всех наук. Преподавание истории должно начаться также еще с третьего класса. Преподавание русской истории должно проходить через всю среднюю школу. Наряду с этим должен быть введен курс всемирной истории. Каково должно быть это преподавание? Это преподавание также должно быть прежде всего на-

учным, ибо в настоящее время преподавание истории не только антинаучно, но и вредно, насквозь лживо. Особенно необъективно изображается история России XIX века и XX. Совершенно необоснованно умаляется значение отмены крепостного права, совершенно необъективно освещается история революционного движения в России /картинно изображается народничество/; совершенно неверно изображается революция 1905 года, не говоря уж о времени после февраля 1917 года.

Мы говорили уже выше о том, что история становится здесь каким-то ребусом, неразрешимой загадкой, каким-то сплошным туманом, в котором вырисовывается лишь одна бронзовая фигура с поднятой вверх рукой. Такое положение нестерпимо и невозможно. Не для того народ содержит школу и учителей, чтоб детям подносили какую-то слащавую чепуху, вместо настоящей науки. Народ хочет знать подлинную историю своей страны. Его интересует и история мира. Между тем и здесь, что ни строчка, то пробел. Мне вспоминаются слова одного моего приятеля, иностранного коммуниста: "Я атеист и даже фанатик-атеист, но то, что делается у вас в СССР с христианством — это худлиганство. Как можно замолчать такое явление, как христианство?" И подобное положение нестерпимо: в школе дети должны получать объективное знание таких явлений, как христианство, индуизм, буддизм, магометанство, — знание всех главных фактов мировой истории.

В последнем классе должен быть введен еще один предмет — социология. Читатель, вероятно, обратил внимание на то, что излагая наш проект программы по литературе, мы пропустили роман Чернышевского "Что делать". Мы руководствовались тем, что этот роман принадлежит не художественной литературе, а социологии. Курс социологии должен включать объективное изложение идей социалистов-утопистов, учение Маркса и Энгельса, учение Чернышевского и Добролюбова, Бакунина, Лаврова, Михайловского, Плеханова и Ленина. Да, учение Ленина тоже надо излагать объективно, а не делать из него икону. Покойник этого не любил и этого не хотел.

В гуманитарных школах должен быть также введен курс философии /введение/, психологии и логики. Очень важное значение в формировании молодежи должна иметь служба в армии. Я не разделяю мнения А.И. Солженицына о том, что следует освободить мужскую молодежь от обязательной службы в армии. Не говоря уже о нереальности подобного предложения в тот момент, когда на протяжении многих тысяч километров стоит вооруженная до зубов многомиллионная армия, руководимая отчаянными головорезами, военная служба является пре-

красным воспитательным средством для молодежи: армия вырывает наших мальчиков из изнеживающей атмосферы родительского дома, дает физическую закалку, приучает к товариществу и дисциплине. Если когда-нибудь появится возможность сократить армию или заменить ее наемной, как предлагает это А.И. Солженицын, то всю поголовно молодежь следует привлекать к 2-х годичной трудовой повинности, для работы в сельском хозяйстве, - пусть не забывают, что в их жилах течет кровь крестьян-землеробов."

В этой связи встает проблема подготовки офицерского состава. С давних пор понятие офицера ассоциируется с понятием грубого солдата, но, к счастью, русская армия имеет и другие традиции. Необходимо оживить традиции декабристов и Лермонтова, штабс-капитана Л.Н. Толстого и поручика Ф.М. Достоевского, поручика Сержовского и лейтенанта Шмидта, и других штабс-капитанов и поручиков, которые были наиболее передовыми людьми России. "Нам нужен тип не мыслителя, а солдата", - писал 10 лет назад один из современных мракобесов в своей записке, поданной в ЦК. Нам нужен тип мыслителя-солдата, - скажем мы. Поэтому огромное значение приобретают военные школы, которые должны выпускать храбрых, просвещенных, широко мыслящих офицеров, вдохновляемых демократическими идеалами, чтобы им можно было доверить воспитание нашего юношества.

Но вот молодой человек отслужил в армии и стоит у дверей института. Какое чувство охватывает его, когда он входит в институт? Мы не ошибемся, если скажем, что первое чувство, которое его охватывает, разочарование. Уже при приеме в институт он убеждается, что беспристрастие и бескорыстие это отнюдь не те божества, которые царят в храме науки. Таинственные звоночки по телефону, знакомства, влиятельные папы и мамы, а то и попросту подкуп часто служат гораздо более надежным пропуском в Институт, чем знания и талант. Во избежание этого приемные экзамены должны быть публичными, подобно шахматным турнирам и спортивным состязаниям. Приемные экзамены должны проходить в огромном зале, в присутствии большого количества народа /в том числе и родственников испытуемых/ и приниматься они должны приемной комиссией, состоящей из известных ученых, в чьей честности не может быть никакого сомнения /людей типа академика А.Д. Сахарова или проф. Шафаревича/. Это разом положит конец каким бы то ни было злоупотреблениям и махинациям, царящим в институтах. Подобным же образом должны проходить и переводные и государственные экзамены. В современных институтах системой обу-

чения является школярство. Студент почти не отличается от школьника: от него требуют обязательного посещения лекций, лекций, как правило, скучных и ненужных; от него требуют зубрежки по учебникам, сдачи экзаменов по профессорским лекциям. Это отчасти оправдано плохой подготовкой абитуриентов; тем, что школа не дала студенту ни знаний, ни навыков в работе. Вся эта система делается ненужной, когда школа будет выпускать знающих, развитых, по-настоящему интеллигентных людей. А это будет через пять-шесть лет после проведения школьной реформы. Тогда можно будет покончить со школярством в институтах, перенести центр тяжести на творческую работу.

Все сказанное выше относится и к подготовке научных кадров — к аспирантуре. Здесь еще в большей степени царят блат, практицизм, карьеризм. Пора заглянуть и в тот затхлый уголок, который представляет собой подготовка научных кадров. Следует сказать, что в этой области за последние 30 лет произошли изменения и изменения к худшему.

Когда 34 года назад, в августе 1940 г. я решил по окончании института поступить в аспирантуру, я сделал это следующим образом: в своем институте в аспирантуру я поступать не стал, так как пользовался там сдизозной репутацией идеалиста и протестанта. И вот, прохожу я в это время по Исаакиевской площади, вижу огромное объявление: "Научно-исследовательский институт театра и музыки объявляет прием в аспирантуру". Захожу, узнаю, подаю документы. Через месяц экзамены. Засел за историю театра, выдержал конкурсные экзамены и в сентябре уже был аспирантом. Мыслимо ли что-нибудь подобное сейчас? Надо пройти сложную иерархическую лестницу, получить рекомендации, санкции, пройти десятки проверок, преодолеть всевозможные подводные течения, — и только тогда может идти речь об аспирантуре.

Способствует ли такая система тому, что входной билет в науку получают самые способные? Не думаю. Скорее наоборот: такая система способствует развитию кумовства, подхалимства, — благодаря ей появляются чиновники от науки, ученые Молчалины и Загорецкие. Такой системе надо положить конец. Никакой фальши, никаких закрытых характеристик и отделов кадров, — отворите окна, широко отворите двери; талант — вот тот пароль, перед которым должны пасть все запоры и раствориться все ворота.

Мы говорили о входе в науку, но какова сама наука? Прежде

всего разрешите провозгласить для начала следующую простую истину: "Наукой должны заниматься ученые". Им виднее, чем им надо заниматься и как ею заниматься. Между тем у нас считают, что наукой может заниматься решительно всякий. В свое время помещики-крепостники /типа Шереметевых, Юсуповых и т.д./ держали крепостные труппы, имели крепостных живописцев и т.д. Они показывали гостям спектакли и картинные галереи; однако, хорошо знали при этом, что актеры и живописцы являются их собственностью, должны делать то, что им прикажут и что любого из них они могут выпороть на конюшне или забрать в солдаты.

Правда, открыть в своем имении научно-исследовательский институт никто из них не додумался. До этого додумался Сталин, решив, что 6 классов духовной семинарии — это вполне достаточно, чтоб быть корифеем науки. Ученых он рассматривал как своих холоуев и предписывал им, что им надо делать и что им надо говорить. По своей прихоти он закрывал целые науки /педология, генетика, кибернетика/ и с самоуверенностью невежды совершал или во всяком случае апробировал великие открытия, производил в великие ученые с такой же легкостью, как в офицерские звания. Кто не помнит происхождения старой шарлатанки Лепешинской, интригана Лысенко, установления приказом методов ^{физии} основ ~~физии~~ фисологии системы академика Павлова и т.д. и т.п. Все это принадлежит прошлому. Но ведь и в настоящее время происходит нечто подобное. Ведь если один корифей мог так грубо ошибаться, то где гарантия, что несколько десятков корифеев /партийное и государственное руководство/ не могут так же грубо ошибиться?

Самое скверное, когда в науку вмешивают политическую целесообразность, когда науку заставляют делать выводы, не вытекающие из тех данных, которыми они орудуят. Тогда наука неизбежно превращается в антинауку, научные труды в шарлатанство, ученые — в народных обманщиков.

Приведем примеры. Кому не памятно, как ученые мужи отвергали внутривидовую борьбу. Вопреки всякой очевидности, вопреки фактам, которые знает любая деревенская бабка. И все это зачем? Чтобы вы, не дай Бог, не подумали, что борьба возможна и внутри одного и того же класса.

Или другой пример. Физики у нас до сих пор вынуждены отстаивать идею безграничной вселенной вопреки тому, что открытия последних пятдесяти лет /начиная с открытий Эйнштейна/ начисто оп-

ровергли эту догму.³ Почему и зачем? Чтобы вы, не дай Бог, не подумали, что Энгельс, как и всякий человек, мог также ошибаться.

Или приведу пример из более близкой мне области.⁴ Во всех учебниках имя Гапона всегда упоминается рядом с эпитетом "provokator".⁵ Один из моих друзей, историк-коммунист, перерыл все архивы /в том числе архивы Охранного отделения/ в поисках документов, уличающих Гапона в провокационной деятельности. Ни одного документа, ни одного свидетельства, прямо или косвенно обличающего Гапона, он не нашел. Не нашли их и десятки других исследователей. Для всякого беспристрастного исследователя ясно, что Георгий Гапон пал жертвой шпиономании, распространившейся в кругах эсеровской партии после разоблачения Азефа /к тому же в данном случае имела место еще личная ненависть к Гапону со стороны Рутенберга/, - и тем не менее развеять эту клевету 60-летней давности не удается. Кому-то и для чего-то нужно, чтоб Гапон был провокатором. Нужно и точка.

Но народу вовсе не нужно шарлатанской, шулерской науки, которая сегодня говорит одно, а завтра говорит другое, в зависимости от приказов начальства. Ему нужны подлинные ученые, которые бы говорили истину и одну лишь истину. Он поэтому требует: никаких диктатов, никаких чиновников и полную свободу научному исследованию, научному поиску.⁶ Нам нужны новые Ломоносовы, огненные Менделесвы, чистейшие Войцзо-Ясенецкие, неподкупные Вавиловы, - и да сгинут все чиновники и шарлатаны.

Всякий ~~ученым~~^{ученым} не должен подчиняться какой-либо предвзятой теории, он должен руководствоваться исключительно научной совестью.⁷ Каждый ученый должен преподавать так, как он понимает свой предмет, руководствуясь только своим стремлением к истине; студенту должно быть предоставлено право избирать себе руководителя, право свободного посещения лекций.⁸ В преподавании не должно быть никакого догматизма: преподаватель должен, излагая свою теорию,⁹ познакомить студента или аспиранта и с другими теориями, - студент, аспирант, молодой ученый сам сделает для себя выбор,¹⁰ какой теории следовать, и в этом будет заключаться его творческая работа.

Воспитывать творческую, ищущую, высокообразованную интеллигенцию - таково настоятельное требование наших дней. Рождение такой интеллигенции - это и есть культурная революция.

Мы посвятили эти страницы интеллигентам — людям, которые оканчивают институты, занимаются научной работой. Мы забыли о нашем приятеле-шофере. Вернемся к шоферу.

Вот у него выходной день. Что он делает? Встал, позавтракал, решил развернуть книгу, книгу о нашей жизни. Боже! Что он там увидел? Идеальных тружеников, ангелов в рабочих спецовках, которые только и говорят о трудовых подвигах, только и мечтают о том, как бы побольше поработать и поменьше получить, — творения Кочетова, *Бабаевского* и компании. Перелистает две-три страницы, зевнет и бросит книгу. Возьмет другую книгу с полки — об Отечественной войне. И там найдет ангелов в спецовках, и в военном обмундировании — творение какого-нибудь Чаковского. Скучно, шаблонно. Неправда бьет в глаза. Сам он, правда, не воевал, но от своего отца, от матери слышал о войне совсем другое: солдаты, падающие от усталости, махорка, матюги, карточки, дистрофия, трупы на улицах в Ленинграде, — что за интерес читать о приглаженных, припомаженных солдатиках, которые выражают патриотизм казенными и стереотипными фразами. Кладет он и эту книгу на полку. Разве почитать что-нибудь из классиков? Открыл Тургенева или Толстого. Непонятные люди, непонятная, чужая жизнь. К тому же отдает все это школьным, противным жаргоном: "зеркало русской революции", "великий русский язык" и т.д. Бросает и эту книгу. Идет во двор резаться в домино /если хорошая погода/, играть в шахматы или шашки, а вечером пьянка. Конечно, если поискать, можно найти и другие книги: можно найти рассказы Антонова, романы Нилина, рассказы Залигина и Распутина, — произведения талантливых, вдумчивых писателей, которые умеют и в официальной прессе говорить правду. Но ведь где их найдешь, их рассказы выходят малыми тиражами, а повесть и рассказы Солженицына являются библиографической редкостью. Между тем, как книжный рынок наводнен лживой, бездарной, тошнотворной литературной блевотиной. Не будем строить иллюзий: результатом деятельности союза советских писателей является то, что народ перестал читать.

Мои сверстники помнят, какой огромный интерес в свое время пробуждали такие книги, как "Тихий Дон" Шолохова, "Петр I" Толстого, "Цусима" Новикова-Прибоя. За этими книгами охотились, за ними устанавливались огромные очереди в библиотеках, их перекупали за бешеные деньги. Кто из нынешних авторов — членов Союза советских писателей может похвастаться таким успехом, какая книга,

вышедшая за последние годы в официальном издательстве, возбудила интерес в читающей публике? В результате человек перестает читать. Современная литература неинтересна, литература классическая непонятна /школа не сумела ее раскрыть/, — образуется вакуум, его заполняют новости спорта, домино и, главное, водка!

Совершенно такая же картина и в области театра. В Москве сейчас есть два театра, которые вызывают интерес: театр на Таганке /благодаря Высоцкому/ и "Современник". Во всех остальных официальных, апробированный репертуар: непонятные, чуждые простому человеку классики или литературная серятина. Несколько лучше обстоит дело с кино. Здесь иногда появляются интересные фильмы, но ведь тоже только иногда!

Для всякого ясно: необходимо возрождение литературы. Что для этого надо сделать? Прежде всего распустить Союз советских писателей за полной ненадобностью для кого бы то ни было и для чего бы то ни было. Он не нужен даже с точки зрения чисто ^{сбыточной} ~~экономической~~ ~~оценки~~; он очень плохо выполняет свое назначение — быть пропагандистом официальной идеологии: книг, им изданных, все равно никто не читает, а на установки, которые он дает, никто не обращает никакого внимания. Талантливые писатели на них плюют и печатают свои произведения в самиздате.

Что касается руководителей Союза, то это чистая комедия: кто обращает внимание на Маркова, кто его знает и кто о нем помнит! Правда, где-то в резерве есть старики Федин и Тихонов, но и они уже давно никто не интересуется, они давно уже ушли в историю литературы, — в историю, в этот памятник, величественный, но мрачный, заброшенный, заросший травой, как всякая могила. Самое умное поэтому распустить Союз писателей и писателей предоставить своей судьбе. Пусть себе пишут, что хотят, и сами заботятся, где напечататься. От этого выиграет и государство; пусть лучше заботится о снижении цен, и сами писатели и их читатели. Для чего усложнять самые простые вещи? Написал роман, принес в журнал. Если талантливо написано, если свежо и интересно, — напечатали. Не понравилось — не взыщи: иди печатать в другое место. Нигде не подошло, не обижайся, сам читай свои произведения.

Но для того, чтобы вернуться к этому простому и ясному положению, нужна мелочь: отмена современной цензуры. И здесь мы подходим к самому существенному пункту культурной революции. Мы написали: отмена современной цензуры. Это не случайная обмолвка, ибо

мы не являемся сторонниками полной и совершенной отмены цензуры. Однако и в этой области должен быть устранен какой-либо произвол. Следует опубликовать законы о печати, которые должны запрещать следующие произведения:

1/ Безнравственные произведения бульварного типа, разжигающие низменные страсти. Из этого, конечно, не следует, что надо вдаваться в другую крайность: придерживаться стародавнейшей, фарисейской морали. То, что есть в жизни, должно быть и в литературе, ибо литература отражает жизнь. Должна быть запрещена лишь всякая порнография, смакование того, что природа повелевает не выставлять напоказ. Я не являюсь сторонник так называемой сексуальной революции. Дай Бог, чтоб она миновала Россию.

2/ Произведения, пропагандирующие в какой бы то ни было форме национальную ненависть: антисемитизм, расизм, клевету, направленную в адрес любого народа. Под эту категорию попадает, например, роман Первенцева "Честь смолоду", который ставит себе целью возбудить ненависть к крымско-татарскому народу. Всякое оскорбление русского народа, попытки разжечь к нему ненависть, взвалить на него ответственность за преступления его правителей /царей, Сталина и других/ также не должны быть допущены в печать.

3/ Все произведения, проповедующие фашистскую идеологию, призывающие к реставрации монархии, к какому бы то ни было насилию, восхваляющие сталинскую тиранию.

Цензура должна состоять из компетентных и непременно беспартийных литераторов; свое заключение о невозможности напечатать то или иное произведение цензура должна подавать в суд. Суд обязан обеспечить открытое и беспристрастное рассмотрение дела. Автору и его адвокату следует предоставить право защищать свое произведение и обжаловать приговор суда в следующую инстанцию.

И возродится тогда славленная русская литература, засияет новыми классиками, даст такое обилие талантов, что затмится и XIX и начало XX века! Появятся новье Толстые, Тургеневы, Чеховы! Новье, русские Шекспиры, новье, русские, Данте, новье, русские Шиллеры и Гёте! И это будет, будет! И наши дети и внуки увидят это!

х х х

Освобождение литературы должно сопровождаться освобождением всех областей искусства. Наиболее нуждается в освобождении русский театр - этот скованный Прометей. Прежде всего должно быть покончено с принудительным репертуаром, навязываемом сверху!

Каждый театр сам должен выбрать свой репертуар, должен иметь свое лицо, свою творческую физиономию.¹

И еще есть одна сторона, которая нуждается в обновлении.¹ Корифей науки, конечно, считал бы свою славу неполной, если бы он не был, кроме того, законодателем в области искусств.¹ Прежде всего он взял под свою высокую руку театр.

В Сталине удивительным образом сочетался Малюта Скуратов с бюрократом. Как всякий бюрократ он был одержим манией все регламентировать, все приводить к единообразию. Уверовав в систему Станиславского и решив /с самоуверенностью недоучки/, что эта система является альфой и омегой театрального искусства, Сталин начал насильственно внедрять её, всюду и везде.¹ Результат был ужасен: система Станиславского, вульгаризованная и кастрированная, оказалась оксваном актерского искусства. Порыв, вдохновение, романтика театра — все было принесено в жертву идолу — системе, которая по дурацкой прихоти тирана стала непререкаемым законом, от которого нельзя было отступить ни на шаг.¹ Дело доходило до анекдотов,¹ до курьезов: ошачливив однажды МХАТ своим посещением, Сталин в антракте пошел на сцену и сказал актерам, что они играют не по системе.¹ /Он лучше их знает, как надо играть по системе/. В сочетании с бездарным, навязанным репертуаром, система Станиславского превратила театр в царство серой скуки — сонная, вялая олушь воцарилась на сцене. Зритель реагировал на это просто: он перестал ходить в театр. Конечно, и в этих условиях находились великолепные актеры,¹ которые радовали своим искусством народ. Таковы Николай Стеллецкий, Черкасов и ряд других.¹ В последнее время, как яркая звезда на сером фоне, сверкнул гениальный актер Иннокентий Смоктуновский.¹ Но общий фон остается все таким же серым и неинтересным.¹

Отверните все системы и пути, возродите подлинный театр — театр актера, театр вдохновения.¹ Театр Мочалова и Ермоловой,¹ театр Орленева и Комиссаржевской, театр Щепкина и Садовских, — верните театр народу и народ театру.¹

А Станиславский?... Станиславский останется Станиславским,¹ изучайте Станиславского, применяйте его советы там, где они уместны,¹ только не делайте из него оракула, не превращайте в икону.¹ Станиславский, как и Ленин, этого не любил.¹

X X X

Итак, нужно обновление русской культуры: литература, театр, общественность станут интересными, талантливыми, увлекательными. И это будет лучшим видом борьбы с пьянством, наркотиками, разложением молодежи.

Подлинная литература и театр интереснее водки и наркотиков ровно настолько, насколько водка и наркотики интереснее и увлекательнее казенного соцреализма и навязанного репертуара.

IV. РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ

А земля все-таки действительно стала дубом; все пошло вверх дном. Академики цитируют Евангелие, офицеры-лагерники проповедуют христианство и прожженный церковник, прошедший 2/3 своей жизни в кадилльном дыму, в алтарях и на клиросе, живущий на церковный счет, подсчитывает, сколько должны стоять бочки и проповедует неомарксизм. Как уже заметил читатель, на протяжении всей работы мы молчали о религии, и тот, кто автора не знает, не мог бы определить по этой работе не только его конфессиональную принадлежность, но даже заключить — верующий он или нет. Это неслучайно. Веру нельзя навязывать, — и нельзя закрывать глаза на то, что большинство населения в нашей стране пока неверующие. /Пока! Это прошу заметить! / Мы хотим, чтоб жили по-человечески все, решительно все, и верующие, и неверующие, и священники, и литераторы, и чекисты. /Да, да, мы и к ним не питаем злобы, и им хотим счастья, и для них будет лучше, если они перестанут заниматься своей противоестественной профессией/.

Мы пытались выразить то, что хочет каждый рабочий, каждый крестьянин, каждый интеллигент. В нашей стране, однако, имеется несколько десятков миллионов верующих, причем число их с каждым годом не только не уменьшается, но растет. Это признают и сами безбожники. Ежегодно увеличивается число крестин /причем официальная статистика отражает их число очень неполно/, неуклонно растут церковные доходы. Попытка официальных органов при Хрущеве искоренить религию не только не привела к желаемым результатам, но даже достигла обратного. Усилилась убежденность верующих в правильности избранного ими пути и увеличилась пропасть между верующими и неверующими. Не достигла никаких результатов и дикая вакханалия с закрытием 10 тысяч храмов и многих православных обителей, а также варварское притеснение сектантов /с отбиранием у них детей, гнусной клеветой против них в печати и т.д./.

Верующие затаили обиду, и чтобы ее забыть, понадобится еще немало лет.

Ничего не дало подчинение высшего духовенства государственному диктату. Следствием этого явилась полная потеря высшим духовенством авторитета как вне, так и внутри страны, а также то, что роль защитников веры приняла на себя верующая интеллигенция.

Сейчас для каждого ясно, что не может быть никакой нормализации в стране без учета интересов и ~~каждого~~ пожеланий нескольких десятков миллионов верующих граждан, проживающих в СССР. Каковы же их пожелания и настойчивые требования?

(+ стр. 69)

I. Возвращение в руки верующих насильственно закрытых храмов и обителей. Эта несправедливость ведет свое начало еще с 20-х годов, когда был закрыт насильственно ряд монастырей, в том числе Троице-Сергиева Лавры — величайшая святыня русского народа. Справедливость, однако, требует признать, что большинство храмов было открыто /кроме домовых церквей, закрытых в первые дни революции/. Продолжили свое существование и обители /в несколько новом виде: монастырские храмы считались приходскими, а иноки и никины оставались при храмах в качестве прихода/.

Дикая вакханалия закрытием храмов началась в 1929-30 гг. в чисто сталинском стиле. В течение двух лет были закрыты почти все храмы в сельских местностях /около 90%/; сельское духовенство было все поголовно заключено в лагеря наравне с кулаками и впоследствии физически уничтожено. Производились аресты и городского духовенства. В 1931-32 годах были закрыты все обители, и монашество, мужское и женское, было также водворено в лагеря и вскоре физически истреблено. Каждый год приносили затем новую волну закрытия храмов и арестов духовенства, пока не завершился 1937-м годом, когда церковь в СССР была фактически ликвидирована /осталась лишь горстка духовенства и несколько сот храмов на всю страну/.

Остальное известно: в 1943 году Сталин сделал поворот на 180° и пошел в этом вопросе на уступки: в СССР была восстановлена иерархия, было восстановлено некоторое количество церквей, открыты семинарии и академии — все это при непременно условии безоговорочного подчинения церкви его диктату; таким образом, корифей науки, законодатель искусства стал, кроме того, еще законодателем церкви, — Богоизбранным вождем, как величали его церковники. Медовый месяц, однако, был недолговечен; вскоре пришел Хрущев, который со свойственной ему разухабистостью заявил, что в ближайшие семь лет он покончит с религией, и начался новый период вандализма, хорошо всем памятный.

В настоящее время, как известно, массовое закрытие церквей прекращено, но ни одна церковь не восстановлена. Народу ходит в храм от этого не меньше, но в храмах такая давка, что негде яблоку упасть. Имеются целые области, в которых нет ни одного храма, и несмотря на настойчивые требования населения, их открыть не удается /Калининская область/, миллионные города имеют часто всего одну церковь. В Москве, в новых огромных районах, величиной в областной город, верующие не имеют ни одного храма. Мало того. Самая простая вещь — ремонт храма — представляет целую проблему, т.к. на

него надо испрашивать разрешения властей,¹ которые всячески тормозят разрешение на ремонт.² Почаевская Лавра, ежегодный доход которой составляет шесть миллионов рублей,³ вот уже много лет не может отремонтировать своих храмов,⁴ которые представляют собой замечательные памятники зодчества.⁵

Терроризированные бесконечными придирками руководители религиозных общин боятся всего на свете.⁶ Выработался особый тип запуганного церковника,⁷ который боится даже тогда, когда бояться абсолютно нечего.⁸ Так,⁹ например, староста храма в Александрове /Владимирской области/ - храма, построенного еще при Грозном,¹⁰ на предложение обновить фрески отвечает: "Нет,¹¹ нет, а то наш храм закроют".¹² Конечно,¹³ нет ничего удивительного в том,¹⁴ что так рассуждает малограмотная женщина.¹⁵ Удивительно,¹⁶ что так же точно рассуждают некоторые епископы.¹⁷

В настоящее время в Троице-Сергиевой Лавре пребывает на покое Архиепископ Сергей /Голубцов/.¹⁸ Когда ему /в бытность его епископом Старорусским/ предложили великолепный кафедральный собор,¹⁹ он категорически отказался из боязни "как бы чего не вышло".²⁰ Когда он затем занял Новгородскую кафедру,²¹ он беспрекословно отдал Никольский Собор на Гостинце,²² и когда ему предложили взамен просторный, прекрасный храм Знаменья,²³ он и от него отказался и взял крохотную церковь апостола Филиппа,²⁴ и это благодаря ему все возрастающее население Новгорода душится в этой маленькой церквушке.²⁵

Заслуживает внимания,²⁶ что прославленный иерарх Митрополит Ленинградский Никодим,²⁷ присоединив к своей кафедре Новгородскую епархию,²⁸ воздвиг себе в Новгороде /для своих редких наездов/ великолепные покои,²⁹ но и пальцем не шевельнул,³⁰ чтоб обеспечить этот древний со все растущим населением город поместительным храмом.³¹ Между тем население хочет храмов и бомбардирует горисполкомы и райисполкомы просьбами об открытии храмов /всегда тщетно/.³²

Верующие не примирились и никогда не примирятся с закрытием храмов,³³ ибо надо знать,³⁴ что такое храм для верующего.³⁵ Храм - это не просто здание,³⁶ это даже не родной дом.³⁷ Каждый храм - это самое дорогое,³⁸ что есть в мире,³⁹ он весь омочен слезами верующего,⁴⁰ слезами его отцов и дедов.⁴¹ Сюда он несет свои лучшие чувства,⁴² сюда его приносят младенцем,⁴³ отсюда его понесут на погост,⁴⁴ отсюда унесли на вечный покой его родителей, его самых близких людей.⁴⁵ И вот сюда врываются наглые, толстокожие, ^{грубые} люди - здесь воцаряются грубость,⁴⁶ пошлость,⁴⁷ богохульство. Каждый верующий, проходя мимо закрытого поруганного храма, чувствует плевок не в лицо /такой плевок легко

стереть/; а в душу, в самое дорогое и святое, что у него есть. Ощущение мужа, у которого на его глазах изнасиловали его жену, ощущение сына, на глазах которого позорят мать, — можно сравнить с этим ощущением.

Поэтому первое и главное требование всех без исключения верующих людей: все закрытые храмы и обители должны быть возвращены верующим людям по их желанию. Именно верующим людям, а не духовенству, которое потеряло у верующих доверие благодаря своей трусости и корыстолюбию.

Должны быть восстановлены и обрести силу советские законы, согласно которым для открытия храма достаточно заявления группы в 20 человек. А за каждый закрытый с применением возмутительного насилия храм дадут свои подписи не 20, а несколько тысяч человек. В тех местностях, где храмовых зданий не сохранилось, верующим должно быть дано право открывать молитвенные дома или строить храмы по своему усмотрению.

Все сказанное выше, разумеется, относится не только к православным христианам, но и к верующим любых религий и конфессий.

2. Возвращение верующим древних святынь.

Такое же ощущение обиды, оскорбления своих лучших заветных чувств испытывает верующий, видя свои древние святыни в качестве музейных экспонатов. В послевоенное время в руки верующих были возвращены святыне мощи угодников Божиих, оскверненные и с варварским насилием отобранные в 20-х годах. Однако возвращены не все мощи: мощи ростовских угодников: Иакова, Леонтия и Дмитрия, находятся, зашитые в мешки, в подвалах Ростовского Собора, превращенного в музей; мощи святителей московских Петра, Ионы, Филиппа и Ермогена, царевича Дмитрия находятся в кремлевских соборах, в которых все еще нет богослужения. Иконы Владимирской и Донской Божией Матери — в Москве, *Троцкой* иконы Царицы Небесной в Ярославле — находятся в музеях.

У нас часто говорят о творчестве великих ^{иконописцев} иконописцев, архитекторов — Андрея Рублева, Феофана Грека и других. О них пишут монографии, им воздают почести, их имена присваивают музеям. Но ведь все они писали иконы, чтоб на них молились, ~~все~~ ^{все} они строили храмы, чтоб там совершались богослужения, — может ли быть большее неуважение к их памяти, чем развешать иконы, которые ими были писаны с молитвою и в посте, в качестве картин в музеях и превратить творения зодчих в учреждения.

Лет десять назад кто-то из подхалимствующих сотрудников журнала Московской Патриархии писал в своей статье об Андрее Рублеве: "Что бы сказал Андрей Рублев, узнав, что сейчас в его обители музей его имени"?

Нетрудно понять, что бы он сказал: он заплакал бы кровавыми слезами и с ужасом отшатнулся бы от своих почитателей. Итак, возвращение исконных народных святынь в руки верующим является настоятельным требованием всех религиозных людей. Да и чему может помешать то, что святыни будут находиться в руках верующих? Искусствоведы хотят их изучать: пусть изучают, верующие охотно предоставят им для этого все возможности /не говоря уже о том, что значительная часть искусствоведов сами верующие/.

Неверующие люди хотят любоваться иконами как произведениями искусства? Пожалуйста! Двери храмов для них открыты в любой день и час, кроме часов, занятых богослужением.

Когда Алексей Александрович Каренин объявил Анне, что сына он оставляет себе, Анна крикнула: "Алексей Александрович! Вы не любите Сережу. Вам он нужен только, чтоб мучить меня!" И Алексей Александрович ответил: "Да, я не люблю сына, потому что с ним связано мое отвращение к Вам".

Трудно себе представить, чтобы атеисты, не скрывающие своей ненависти к религии и ко всему, что с ней связано, вдруг так бы полюбили иконы, что не могут с ними расстаться. Нужны они им только для одного: чтоб плевать в душу верующим людям. Но верующие люди не могут с этим согласиться; они говорят: "Отдайте нам наши храмы, наши святыни, отобранные у нас с варварским насилием!"

3. Как мы неоднократно указывали, нужно неуклонное проведение в жизнь закона об отделении церкви от государства и школы от церкви. Что, однако, представляет собой отделение церкви от государства? Это прежде всего невмешательство церкви в государственные дела. Соблюдают ли этот принцип у нас верующие люди? Соблюдают. Если нужны доказательства, то им может служить настоящая статья. Как видел читатель, мы на всем протяжении статьи, размышляя о возможных реформах, даже ни разу не упомянули церкви. Выставляя свои соображения по поводу школьной реформы, мы даже не заикнулись о религиозном обучении в школе. Но не вмешиваясь ни в какие государственные дела, устранившись от вмешательства в школу, имеют ли право Церковь и другие религиозные общины требовать, чтоб и атеистическое государство не вмешивалось в ее внутренние дела? Видимо, имеет. Это второе положение, прямо вытекающее из первого, до такой степени бесспорно,

что ни один безбожник никогда даже не пытался его оспаривать!¹ Мало того,¹ безбожники утверждали,¹ что этот принцип у нас,¹ якобы,¹ проводится в жизнь.¹

И только ^В последние годы,¹ когда их приперли к стенке,¹ ткнули им в лицо неоспоримые,¹ неопровержимые факты повседневного,¹ неперестанного вмешательства государства в церковные дела,¹ они вынуждены были признать,¹ что у нас имеет место "государственное регулирование" в вопросах религии.¹ То-то! Хорошо хоть,¹ что перестали лгать!

Что из себя представляет это государственное регулирование сейчас.¹ Мы рады признать,¹ что в последнее время прекратился производ со "снятием служазких священников с регистрации"¹. За последние годы таких фактов почти не было.¹ Очень хорошо,¹ конечно.¹ Спасибо и за это!

Однако,¹ если в этом отношении стало легче /петиция двух священников и наши статьи не прошли даром/,¹ то в другом отношении ничего не изменилось: имеет место грубый производ при регистрации вновь назначенных священников и диаконов.¹ Благодаря этому церковь в настоящее время испытывает острую нужду в священниках.¹ В свое время было 8 духовных семинарий.¹ Хрущев оставил из них только три /в Москве, Ленинграде и Одессе/ и две Академии.¹ Эти учебные заведения совершенно не удовлетворяют нужду церкви в священниках: в каждой епархии имеется 10-15 приходов,¹ которые не имеют пастрей.¹ Между тем,¹ недостаткам в кандидатах нет.¹ Прекрасные, глубоко религиозные молодые люди,¹ пришедшие в церковь по глубокой вере,¹ жаждут принять священный сан,¹ нет никаких канонических препятствий для их рукоположения,¹ но между ними и Церковью стоит уполномоченный,¹ который категорически отказывается их зарегистрировать.¹ Почему и на каком основании? А просто так,¹ без всяких оснований.¹ Точно так же держат бесконечное время в диаконах неудобных уполномоченному лицу,¹ оканчивавших Духовную Академию,¹ причем уполномоченный не дает себе труда даже разъяснить,¹ почему он это делает.¹ "Нет" - и basta.¹ Широко распространена система "закрытых характеристик",¹ которые ходят за диаконом или священником,¹ где бы они ни появились,¹ отравляют им жизнь,¹ препятствует спокойно совершать свое служение.¹

Еще хуже обстоит дело с высшим духовенством,¹ которое окончательно лишилось какого бы то ни было авторитета среди духовенства и верующих мирян.¹ В настоящее время епископат состоит из никому неизвестных,¹ ничем себя не зарекомендовавших молодых людей,¹ которым едва исполнилось тридцать лет.¹ Кто такие все эти Ювеналии,¹

Хризостомы, Серапионы, — и в чем состоят их заслуги перед церковью, решительно никому не известно. Конечно, молодость не препятствие для рукоположения в святительский сан /Сам Господь Иисус Христос — наш Верховный Архиерей — вступил на Свое великое служение в 30 лет/. Молодость — не препятствие. Но ведь и не причина же. А других причин для епископства у этих новоявленных святителей как будто и нет. /Мы, во всяком случае, не знаем/.

При таком положении всякому понятно, кто и каким образом определяет рукоположение епископов в настоящее время. Выйти из этого положения можно только одним путем: следует установить канонический путь избрания святителей народом Божиим, наподобие того, как это существует в Сербской, Болгарской и других православных церквях. Пока же ни про одного епископа нельзя сказать, что он избран каноническим путем.

Антиканонично и избрание Святейшего Патриарха Пимена, который был избран открытым голосованием, с грубым попранием всех канонических норм. Церковь пока еще терпит всех сих архиереев в своем сане, но придет момент и она их спросит, как и почему они были рукоположены. И мы от души желаем, чтоб все они могли дать вполне удовлетворительный ответ.

А пока что нужно, чтоб государство не совало нос не в свои дела и отказалось бы от всякого влияния на назначение, избрание и рукоположение духовных лиц. Никаких разговоров, никаких консультаций с государственными чиновниками-атеистами. Епископ рукополагает священников и диаконов. Паства и Собор епископов избирает архиереев. Хотите, их регистрируйте, хотите — не регистрируйте, — это нас не касается. Таково элементарное требование, с которым не может не согласиться любой беспристрастный, демократически настроенный человек.

4. Расхищение церковных средств. И этот вопрос не может не интересовать верующих людей. Как известно, в 1961 году духовенство было отстранено от распоряжения церковными средствами. Менее известно, что распоряжение этими средствами попало в руки никому не известному лицу, утвержденных исполкомами. Эти старосты назначаются исполкомами под тем предлогом, что, якобы, им доверяется распоряжение церковным имуществом, которое принадлежит государству. На самом деле они хапают церковные деньги и распоряжаются ими, как хотят. Причем фактически они никому не подчинены. Когда жалуются на них в исполком, там делают удивленные лица и говорят, что Церковь отделена от государства; то же самое говорит и упо-

лномоченный. Когда жалуются епископу, он говорит, что ему подчинено только духовенство; когда жалуются настоятелю, он говорит, что ему запрещено вмешиваться в хозяйственные дела. Татьяна Гавриловна Дроздова рассказывает в своем письме на имя Святейшего Патриарха, что, когда она обратилась к секретарю одного из райисполкомов Ленинграда с жалобой на расхищение церковных средств старостой и казначеем, секретарь исполкома ей отвечала: "В церкви ходят одни дураки /ты-то очень умна, по всему видно, матушка!/, и то, как расходуются их деньги, нас не интересует". Её-то не интересует, но нас это интересует.

Прежде всего должна быть восстановлена церковная община. При каждом храме должна быть организованная община, состоящая из людей, постоянно посещающих данный храм, принадлежащих к данному исповеданию, для православных, католиков и старообрядцев-поповцев необходимым условием принадлежности к общине является также систематическое принятие Святых Таин Христовых.

Каждый член общины должен ежемесячно вносить на содержание храма какую-то чисто символическую сумму /скажем, 3 рубля/, чтобы не было никакого преимущества для богачей. Каждый член прихода должен иметь на руках приходскую карточку. Раз в три месяца община должна собираться на собрание, причем никакого предварительного разрешения на это собрание не требуется. Община из своей среды избирает исполнительный орган /приходской совет/, во главе которого стоит настоятель храма.

Все сборы должны тщательным образом учитываться и оприходываться. Все расходы должны также тщательным образом регистрироваться. Все пожертвования на нецерковные цели могут быть только с согласия общины и о них должен информировать священник с амвона перед сбором. Каждый должен знать, на что и зачем он дает деньги. За последнее время участились и вошли в традицию какие-то ~~пожертвования~~ ответственные пожертвования в "фонд мира". Эти пожертвования делаются за спиной верующих, причем исполкомы нагло требуют ~~этих~~ пожертвований, устанавливают их размер и т.д., так что это по существу не пожертвования, а поборы.

В связи с этим да будет позволено задать ряд вопросов:

I/. Почему для борьбы за мир нужны многомиллионные средства? Послушать секретарей исполкомов, так мир чуть ли не дороже обходится, чем война. Наполеон на вопрос о том, что надо для того, чтобы вести войну, ответил, что для этого нужны три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, деньги и в-третьих, деньги.

Это понятно: войну нельзя вести без вооружения,¹ а вооружение стоит денег.² Но почему нужны деньги,³ чтобы жить в мире,⁴ это неразрешимая загадка.⁵ Видимо,⁶ имеются ввиду всевозможные конгрессы и банкеты.⁷ Что касается конгрессов,⁸ то,⁹ как правило,¹⁰ люди,¹¹ которые едут на конгрессы, в деньгах не нуждаются,¹² к тому же они являются представителями различных организаций,¹³ которые их проезд оплачивают.¹⁴ Что касается банкетов,¹⁵ то нельзя ли посоветовать нашим миротворцам кушать у себя дома или в номере гостиницы, а то нашим старушкам,¹⁶ которые вынимают последние грошки,¹⁷ чтобы жертвовать на храм Божий /на свечечки,¹⁸ на поминания сродников/¹⁹ не под силу поить шампанским всяких приезжавших бездельников,²⁰ которые греют руки на благородном деле.²¹ /Кстати сказать,²² бороться за мир также можно у себя дома/²³

Это же относится и к всевозможным "духовным" банкетам,²⁴ завтракам и обедам.²⁵

5.²⁶ Регистрация крестин и венчаний.²⁷

В свое время мы много писали об этом и указывали на незаконность подобной регистрации,²⁸ когда при крещении и венчании производится проверка паспортов и соответствующие списки затем представляются в исполком.²⁹ Сейчас в столице эта проблема потеряла остроту,³⁰ так как никто из принимающих крещение и их родители здесь особых препятствий не имеют.³¹ Зато эти проблемы полностью сохраняют свою силу в провинции,³² где лица,³³ производящие крещение детей, попрежнему подвергаются глумлению,³⁴ проработкам на собраниях и в карикатурах.³⁵ Надо при этом отметить,³⁶ что никакого значения всё это не имеет,³⁷ никого запугать не удастся и количество крещений не только не уменьшается,³⁸ но,³⁹ как указывалось выше,⁴⁰ из года в год увеличивается.⁴¹

Но тем более непонятно,⁴² для чего нужна регистрация.⁴³ Говорят, что для финансовых органов,⁴⁴ но для этого вовсе не нужны паспорта, фамилии и имена родителей.⁴⁵ Достаточно указать суммарно количество крещений: исполнительные органы ведь все равно скажут правду,⁴⁶ если не захотят лгать,⁴⁷ и все равно солгут,⁴⁸ если не захотят сказать правду.⁴⁹ /Паспорта здесь не помогут,⁵⁰ утаить любое количество крещений всегда возможно/⁵¹

Особо надо отметить издевательства над матерями-одиночками,⁵² которые имеют место,⁵³ как это ни печально,⁵⁴ в храмах.⁵⁵ Как известно, для крещения требуется согласие обоих родителей,⁵⁶ причем письменное согласие отца и матери остается в храме в качестве оправда-

тельного документа! Но вот приходит мать-одиночка и предъявляет документ, что отца /разумеется, в юридическом смысле этого слова/ у ребенка нет! Как будто бы все? Нет, вот тут-то и начинаются митарства матери! Т.к. метрики она оставить, разумеется, не может, то ее посылают в райисполком, чтоб она принесла справку, что она мать-одиночка! В райисполкоме ее спросят, для чего ей нужна такая справка! Когда она скажет, что ей надо крестить ребенка, начнут её агитировать! Бездушные чиновники в хрме, обычно женщины, занимающиеся регистрацией крещений, ведут себя по-кишки: воячески унижают и без того травмированную женщину, подчеркивают, что ребенок у нее незаконнорожденный, швыряют ей в душу! Вот видите, какие коллизии происходят из-за того, что кому-то при Хрущеве вздумалось ввести незаконный порядок регистрации крещений и браков!

Что надо сделать, чтобы все вытекающие отсюда сложности и трудности устранять? Очень просто: надо все эти регистрации отменить!

6. Положение религиозных сект!

Особо стоит вопрос о сектантах, которые находятся в положении во много раз более тяжелом, чем церковники! Прежде всего, следует отметить, что у нас установлен полный произвол в этой области: кого хотят запрещают, кого хотят разрешают! По этому поводу следует сказать следующее: все запрещения тех или иных религиозных формаций должен производить суд, причем представителю данной религиозной формации должно быть предоставлено право защиты и обжалования приговора!

Запрещаться могут лишь изуверские секты, калечащие людей или сеющие безнравственность! Так, должны быть запрещены скопческая, хлыстовская секты, появившаяся в последнее время в Америке /если она, чего не дай Бог, будет к нам занесена/ секта дьяволопоклонников, и т.д. Все остальные религиозные формации должны быть разрешены! В первую очередь следует снять запрет с унитаров /передовая русская общественная мысль, начиная с Герцена и кончая Короленко, всегда выступала против их преследования/, с баптистов-инициативников, с так называемой ИПЦ /истинно-православной церкви/!

Здесь следует особо остановиться на сектах типа баптистов-инициативников и адвентистов-реформаторов! Если эти секты выступают против вмешательства государства в их дела, то они совершенно правильно делают и не за что их запрещать! Есть, однако, более серьезный пункт, который определяет их дискриминационное

положение. Эти секты часто не признают военной службы. Как быть с этим? В этом случае следует вспомнить тот порядок, который существовал во времена Ленина. Каждый член этой секты, уклоняющийся от военной службы, обязан перед судом доказать путем свидетельских показаний, что он, действительно, принадлежит к этой секте. После того, как суд примет соответствующее решение, член секты должен быть отправлен на работы в тылу. Это будет и гуманно, и умно, и полезно для государства.

Совершенно непонятно запрещение так называемой Истинно-Православной Церкви. В чем ее преступление? В том, что она не признает Патриарха Пимена и имеет свою иерархию? С точки зрения юридической - это не преступление. То, что она отказывается молиться за власти? А зачем, собственно говоря, атеистической власти нужно, чтоб за нее молились? Старообрядцы, к слову сказать, тоже не помнят властей, и никто им за это не преследует. То, что Истинно-Православная Церковь состоит в основном из консерваторов? Ну и что же? Кого сейчас может привлечь крайний консерватизм ~~крайне~~ замешенных старушек?

Сложнее обстоит дело с последователями секты "Свидетели Иеговы", которая, так сказать, принципиально не признает государства. Здесь следует тщательно изучить учение этой секты и обусловить ее разрешение соблюдением ее членами законов.

Таким образом, нормализуется положение сектантов, и эти хорошие, чистые нравственно, не пьющие, не курящие, не ругающиеся люди смогут внести свой вклад в наше общественное развитие: их следует, в первую очередь, привлечь к борьбе против пьянства, курения и хулиганства.

7. Религиозное воспитание малолетних.

Школа находится вне церкви. С этим положением можно согласиться, т.е. вмешательство Церкви в школьные дела означало бы насилие над неверующими родителями, которые имеют право воспитывать детей /согласно международной конвенции/ в духе своих моральных принципов. Однако и запрещение ~~иногда~~ воспитывать в религиозном духе детей является гнусным насилием над верующими людьми, которые также имеют право воспитывать своих детей в духе своих моральных принципов.

Наиболее гнусным видом воспрепятствования родителям воспитывать детей в религиозном духе является разлучение детей с родителями у сектантов, которое все еще имеет место. Во время моего так

называемого "процесса" мне инкриминировалась констатация того факта, что политика гонения на сектантов идет от Победоносцева. Не будем голословны. Вот перед нами документ, в котором написано черным по белому: "Над детьми итунцистов следуют назначать опеку". Эта строчка представляет собой точную выписку из доклада епископа Уманьского митрополиту Киевскому и Галицкому по вопросу о борьбе со итундизмом. Доклад этот был напечатан в 1891 году в газете "Киевское слово" и перепечатан в журнале "Вестник Европы" за 1891 г. в 3 стр. 907.

Надо сказать, что в то время провести в жизнь это постановление не удалось: этому воспрепятствовала общественность. Но то, что не удалось тогда, удастся теперь, и мы имеем в своем распоряжении десятки судебных постановлений, согласно которым у сектантов отбирают детей. Все эти факты совершенно нетерпимы, и им надо немедленно положить конец. Следует выполнять указания Международной Конвенции, к которой присоединилось советское правительство, и безоговорочно предоставить родителям возможность воспитания своих детей в религиозном духе, как это имеет место в Польше, Венгрии, Югославии, Румынии и во всех цивилизованных странах.

8. Особо стоит вопрос о религиозной пропаганде. Как известно, в первой конституции РСФСР, в Конституции СССР 1924 года шла место формулировка: "Свобода религиозного исповедания". Сталин заменил эту формулировку другой: "Свобода отправления религиозного культа и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами".

Что сказать об этой статье конституции? Прежде всего то, что она не реальна. Религиозная пропаганда все равно имеет место и воспрепятствовать этому никто не может. В настоящее время интерес к религии столь велик среди интеллигенции, среди интеллигенции так много верующих, что если карать религиозную пропаганду, то надо пересаживать чуть ли не половину нашей высшей интеллигенции, ведь интеллигент потому и интеллигент, что он привык выражать свои мысли: он умеет их выразить и не может не выразить.

Поэтому самое простое, что можно сделать, — это спокойно отправить в архив данную статью. /Предстоящее принятие новой Конституции является самым подходящим поводом для этого./ Для того, чтобы еще раз проверить правильность нашего мнения, обратимся к нашему другу-шоферу, — что он нам скажет на это?

Шофер, как правило, человек неверующий, но никаких неприятных чувств к религии он не питает: он помнит, что его бабушка, от

которой он видел столько ласки, была верующей, а мать и сейчас ходит в церковь. Он был в храме на похоронах отца, и служба произвела на него глубокое впечатление. Детей своих он крестил в церкви, и его друг юности, работающий теперь слесарем, был его кумом. Мена его тоже иногда /особенно, когда дети больны/ заходит в церковь и ставит свечки. Он и сам бы заходил в церковь, но боится, ^{тогда} что французы называют "ridicule" /"быть смешным"/: мужчине как-то не принято ходить в церковь. Он знает, /этому его в школе учили/, что наука противоречит религии. Однако до него долетали слухи /правда, смутные/, что имеются другие мнения по этому поводу /как говорят, многие ученые верили в Бога/.

Он хотел бы выслушать ту и другую сторону, хотел бы сопоставить точки зрения. Он несколько не боится религиозной пропаганды: он же не дурак и не простодуш, чтоб так сразу и поверить всему, что ему скажут. Он сам во всем сумеет разобраться. Он с удовольствием пойдет на религиозный диспут, он с удовольствием почитает Библию /столько он слышал о ней, но вот трудно достать/. Всякие гонения на религиозной почве, как и всякие другие гонения внушают ему отвращение. Слишком в нем много здравого смысла, чтобы одобрять какой бы то ни было фанатизм.

Короче говоря, шоферы, слесари, — весь рабочий класс, как и крестьянство, как и весь народ отвергает всякое стеснение на религиозной почве. Со всеми этими стеснениями давно пора покончить!

х х х

Осенью 1961 года я познакомился с А.И. Солженицыным /тогда еще официальной знаменитостью/. Знакомство произошло по его инициативе. Александр Исаевич захотел познакомиться со мной, чтобы задать мне следующий вопрос: "Почему религия у нас так быстро пошла к упадку по сравнению с такими странами, как Польша, Венгрия, Латвия /подразумеваются латвийские католики/ и т.д.?" Я ответил ему весьма многоречиво и привел десяток соображений по этому поводу. Как теперь вижу, не привел я ему самой главной причины быстрого упадка религии в русском народе!

Атеизм пришел в Россию в середине XIX века в пору своей молодости: он опирался на науку и в какой-то мере был синонимом науки. Атеизм был в то же время синонимом политического прогресса. Он обещал всеобщее обновление, всеобщее счастье. Атеизм был синонимом свободы, и не только политической, но и свободы

духа: ведь он опирался на свободное исследование и отвергал всякие догматы и предрассудки, учил ничего не брать на веру. У популярного писателя конца XIX века, ныне забытого Шеллера-Михайлова, в одном из его романов приводится стихотворение юного шестидесятника, которое озаглавлено "Не брат, а товарищ". Юный поэт говорит, что слово "брат" слишком опознено, им слишком злоупотребляли, он поэтому не хочет быть никому братом, а только товарищем. Атеизм обещал это товарищество и имел перед религией то преимущество, что он никогда и нигде не был испробован. Он увлек этим русскую передовую интеллигенцию, которая пошла в народ со знаменем атеизма. К 1905-1917 гг. атеизм не успел постареть, и в этом главная причина, почему народ не устоял против его обаяния.

Конечно, сыграла определенную роль и слабость православного духовенства и его разобщенность, раболепие перед царским режимом и его чисто ремесленное отношение к делу и ряд других факторов. Но главная причина — то обаяние, которое имеет все новое, передовое, гуманистическое.

Другое дело Польша, Венгрия, Латвия, — сюда атеизм пришел уже сильно постаревшим; он был испробован и результаты оказались весьма сомнительными, к тому времени он уже утратил значительную часть своего обаяния и не смог одержать победу над таким мощным и опытным противником, как католическая церковь. /Большинство населения в этих странах так и осталось католическим/.

Что сказать о современном атеизме? Сейчас он переживает период старческой дряхлости: он заболел одышкой и склерозом, он утратил прежде динамичность; теперь он смертельно боится всяких споров и пререканий /в гораздо большей степени, чем когда-то боялась их Церковь/. Он болен старческой подагрой, с трудом передвигает ноги и должен обязательно опираться на два костыля: один костыль — это государственная поддержка, без которой ему не выстоять, другой костыль — это атеистические догмы, против которых возражать воспрещается, под страхом отлучения от атеистической церкви /изгнания из советского общества/. К таким догмам принадлежит учение о вечности материи, о безграничности вселенной, о том, что мозг /рефлексы/ определяют психологию человека.

Как известно, постоянным спутником старости является пошлость. Это хорошо выразил Некрасов в своем известном стихотворении "Памяти Писарева":

(народ то
мало
знал об)

"Не рыдай так безумно над ним:

Хорошо умереть молодым! —

Безопасная пошлость ни тени

Положить не успела на нем!

Ставьись перед ним на колени!

Венчай его кудри венком!"

Носителем атеизма тогда был обаятельный юноша Пазарев и другой чудесный юноша Добролюбов, и Чернышевский, внушавший даже врагам невольное уважение своей стойкостью и огромной убежденностью.

Что из себя представляют современные греки атеизма? Влиятельные чиновники, отработывающие казенное жалование, борзописцы-неудачники, пригревшиеся на теплых местах. Современный атеизм пошел с ног до головы: он жить не может без сплетен, без пасквилей, без перетряхивания чужого грязного белья. Достаточно вспомнить лишь имена "классиков" современного атеизма: Ем. Ярославский, Демьян Бедный, — кого не стопнит от пошлости и затхлости их "произведения".

А самое главное, атеизм не выполнил ни одного из своих обещаний: он обещал идти в ногу с наукой, и этого обещания не сдержал, т.к. современная наука опровергает большинство его догм. Он обещал принести всеобщее товарищество, а оно обернулось бериевщиной и еловщиной X/. Он обещал всеобщее обновление, а получилось: "Тех же щей, да похуже влей".

И вот среди интеллигенции пробуждается интерес к религии: происходит очень много обращений, начинается религиозное движение. Конечно, пока еще рано говорить о широком религиозном движении. Современное положение правильнее было бы охарактеризовать следующим образом: народ пока еще не с религией, но он уже не с атеизмом; он не верит в атеистические идеалы и догмы.

Среди народа сейчас распространен здоровый, крепкий нигилизм. Обычно к нигилизму относятся отрицательно как атеисты, так и религиозные люди. Мы, наоборот, любим и уважаем нигилистов. Нигилист во всем осмелевает, значит он ищет. А раз ищет, значит найдет. Где найдет и что найдет? Найдет он истину, и найдет он ее

* Мы вовсе не имеем намерения оскорбить атеистов /среди которых у нас много друзей/ изобразив их сторонниками Езова и Берии. Но слова не выкинешь из песни: если религия компрометирует инквизиция, то ведь нельзя отрицать, что еловщина и бериевщина проходила под знаменем атеизма.

не у Йогов, не у теософов, не у сектантов, не у католиков, не у православных. Найдет он ее в Евангелии, найдет он ее у Христа, у Бессмертного Царя, у Христа Жизнедавца.

Мы писали о культурной революции. Здесь нам хочется сказать о революции евангельской.

Евангелие — вот тот противник, против которого бессилен атеизм. Евангелие — вот та пристань, в которую ведет свой корабль по бурным волнам нигилизма наш народ. Евангелие воцарится над умами, Евангелие войдет в жизнь, и от всех религиозных объединений народ потребует /от Православной Церкви, в первую очередь/, чтоб все там было так, как написано в Евангелии.

Так будет, но пока этого нет.

Займемся поэтому теми насущными требованиями, которые ставит перед нами жизнь.

У. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Читатели, возможно, удивит, что этот пункт мы поставили на одно из последних мест. Действительно, государственные преобразования всегда являются завершающим звеном в цепи тех изменений, которые происходят в экономике и в общественной жизни. Можно принять самую лучшую конституцию, можно разрешить все на свете, но если эти изменения не опираются на соответствующие изменения в экономическо-общественной структуре, — все эти конституции и законы так и останутся лишь хорошими пожеланиями. Государственное устройство в этом смысле можно сравнить с куполом, венчающим здание. Поэтому к вопросам государственного преобразования надо подходить не с точки зрения наших пожеланий, а с точки зрения зрелости общества.

И здесь ведущей фигурой должен быть наш друг поффер. Проконсультировавшись с ним, мы приходим к следующим выводам: конституцию государства следует ограничить такими сторонами:

1/ Охрана государственных границ. Охрана границ включает в себя, помимо чисто военных мероприятий, которые должны иметь чисто оборонное значение, также соответствующее руководство внешней политикой и руководство оборонной промышленностью.

2/ Охрана общества от уголовных преступников, в строгом соответствии с законом.

3/ Руководство хозяйственной жизнью страны.

4/ Законодательная деятельность, которая должна осуществляться свободно избранным законодательным собранием, причем во всех сомнительных случаях должна проводиться консультация с народом /путем референдумов/.

Таковы главные функции государства. Нам говорят, что, помимо этого, государство должно заниматься воспитательной работой. Это так и есть в широком смысле слова, т.к. охрана границ, внешняя политика, законодательная деятельность, наказание уголовных преступников создает особую атмосферу в стране, которая воспитывает людей. Однако нам говорят, что государство должно заниматься воспитательной работой и в узком смысле этого слова: в плане навязывания населению определенной идеологии.

Возникает вопрос, как демократическое государство может осуществить эту функцию? Предоставляя своим гражданам свободу слова, печати, собраний и свободу совести, демократическое государство не может заставить ни одного человека разделять ту идеологию, которую он не разделяет; оно не может и воспрепятствовать человеку выразить свои мнения, - иначе это будет не демократическое государство, а государство тираническое.

Но никто не хочет сейчас тирании, никто не хочет, чтобы судьбы сотен миллионов людей зависели от прихоти того или иного руководителя /Сталина, Мао-Цзе-Дуна или кого-либо другого/. Следовательно, государство должно спокойно заниматься своими делами, предоставив гражданам право верить, думать, как они хотят, а ничего плохого они не хотят: никто не хочет /марксизма, ни фашизма, ни капитализма /отдельные группы не в счет/, люди хотят спокойной, обеспеченной и свободной жизни. Всякое стеснение свободного слова, свободной мысли, свободной веры не встречает никакого сочувствия в массах. Следовательно, все законы, стесняющие свободу слова, собраний, свободу совести, - следует спокойно отправить в архив, а всех лиц, находящихся в заключении за свои убеждения /назовем наиболее известные имена: Петра Григоренко, Владимира Буковского и ряд других/, всех униятов, сектантов, находящихся в темницах и других - всех следует немедленно освободить.

Солт.

2. Подбор кадров по их деловым качествам и *выборность* руководящих.

У нас считается само собой разумеющимся, что всякий руководящий работник должен быть обязательно членом КПСС. Результаты такого положения самые плачевные, как для дела, так и для самой КПСС.

Действительно ли так и почему так? Но мы хотим отодвинуть от политики, займемся немного поэзией. Люди многогранны и многосторонни; в каждом есть животные инстинкты, в каждом есть какая-то доля пошлости, но у каждого есть и доброта, и тепло, и свет. А.А. Блок, размышляя об этом, написал чудесные строки:

"И сколько их есть до меня,
И сколько людей и богов.
И в каждом метанье огня,
И в каждом печаль облаков".

Метанье огня — это и есть идеология, когда человек, отрешаясь от своих эгоистических инстинктов, устремляется в космос, определяет свое отношение к миру. Печаль облаков — это скорбь при виде несправедливости, неправд мира, желание исправить эти неправды. Из этих двух элементов складывается понятие идеологии.

Отношение человека к миру и желание человека перестроить этот несовершенный мир. Идеология — это то, что поднимает человека над землей, над его корыстными, повседневными интересами. Но вот идеология увлекает людей, при ее помощи оказывается возможным получить власть, деньги, почет. И здесь самый слабый пункт всякой идеологии: возмев силу, она из "метанья огня" и "печали облаков" становится разменной монетой, которая служит для приобретения земных благ. Этот тот порог, о который споткнулось христианство, выйдя из катакомб на широкие просторы Римской империи. Это тот порог, о который спотыкались все и всякие идеологии.

И международный социализм споткнулся об этот порог, когда в конце XIX века ему открылась дорога не в тюрьму и ссылки, а в парламенты и в министерские кресла. Коммунизм не только не избежал этой опасности, но испытал ее в такой мере, в какой не испытала до него ни одна идеология. Ленин ^{пошел} ~~нашел~~ эту опасность уже в первые годы после Октября и пытался ее набегнуть при помощи массовых чисток, введения партмаксимума и других мер. Увы! Этой опасности не удалось избежать: в настоящее время красная книжечка — это прежде всего пропуск к карьере, ко всяким земным благам. И толпы

карьеристов, людей, жадных до денег, до почестей, до роскоши, — устремляются в партию. Нужно ли это? Хорошо ли это? — спросим мы. И не сомневаемся, что получим ответ от любого убежденного, честного коммуниста: "Нет, не нужно и не хорошо".

Но что надо делать, чтобы этого не было? Не надо из идеологии делать привилегию. Путь к любой должности должен быть открыт любому человеку, независимо от его идеологии, партийности, религиозных верований или отсутствия таковых. Лучшей гарантией этому может быть выборность всех руководящих должностей. Директора школ, ректоры высших учебных заведений, директора предприятий /заводов, фабрик, управляющие трестов/ должны избираться собранием производителей. Голосование должно быть закрытым и никакого предварительного выставления кандидатур /до собрания/ быть не должно.

В свое время огромное значение имело движение выдвиженцев, когда простые рабочие становились директорами предприятий. Конечно, много было карикатурного, ошибочного, смешного. Но основной принцип был правильный, — и в этом прогрессивное значение Октябрьской революции: она выдвинула из народной гущи огромное количество талантливых, энергичных, волевых людей. Эта замечательная, одаренная когорта людей из народа сменила мертвенное племя чиновников-Молчалиных, прошедших перакичскую лестницу и растерявших во время этого долгого и трудного подъема всю свою энергию, весь жар сердца, привыкших к человекоугодничеству и подкалыванию.

Если выдвиженчество дало хорошие результаты тогда, когда большинство рабочих было малограмотно, то в еще большей мере оно уместно и сейчас, когда интеллектуальный уровень людей повысился, когда они приобрели большой политический опыт. Дайте дорогу нашему другу шoferу! Сделайте его директором завода и увидите, что он будет управлять заводом лучше патентованного чиновника-инженера. Могут возразить, что выдвижение простого человека приведет к дезорганизации производства, т.е. для управления сложным современным производством нужны знания. Но говорящие так, видимо, всех считают крутыми дураками. Никто не станет избирать на руководящую должность некомпетентного человека: выберут опытного инженера, которого уважают за его знания, за его толковость, за его разумную требовательность, которая сочетается с гуманизмом; избе-

92
 рут рабочего — старого производственника, проработавшего на данном предприятии 20-30 лет и знающего его вдоль и поперек. Изберут хорошего молодого парня, талантливого и проворного, который учится в институте /на заочном отделении/. Наконец, около нового директора всегда будут инженеры, опытные производственники, которые смогут его поправить, подсказать ему, что надо делать в трудном случае.

Затем выборы директоров вовсе не означают смену всех ныне правящих руководителей. Авторитарные, внушающие уважение руководители, несомненно, останутся, — бюрократичные, неспособные, корыстные директора будут смещены. Возражат, что выборы директоров могут подорвать производственную дисциплину. Не верьте! Избранного директора будут уважать больше, чем назначенного, слушать его будут охотнее и дисциплина станет более сознательной и более товарищеской.

Выборность руководителей нужна для того, чтобы открыть путь одаренным людям из народа, — самородкам, а также для того, чтобы руководство стало ближе к народу, чтобы оно хорошо знало нужды рабочего, проявляло к нему заботу и внимание. Выборность руководства нужна и для борьбы с бюрократизмом, который в настоящее время принял поистине ужасающие размеры.

При этом, разумеется, возможны и коррективы: вышестоящим органам надо дать право отводить кандидатов, явно непригодных к руководству, — пьяниц и лодырей. Но я уверен, что таких случаев не представится, — их и так никто не изберет.

3. Формирование органов власти.

Все органы власти, начиная от городских и сельских и кончая Верховным Советом СССР, должны избираться путем прямым, равным, невоспрепятствованным выборам при тайном голосовании. Что такое выборы прямые, равные и тайные, — это всем хорошо известно. Что означает, однако, выборы "невоспрепятствованные"? И здесь мы попросим у читателя разрешения сделать небольшой экскурс в филологию.

Филология упрямая вещь: сколько ни твердите, что возможны выборы при одном, единственном кандидате, она все упорно твердит: "выборы" от слова выбор. Выбор же возможен только из двух или из трех. В быту часто говорят: "Что-нибудь одно из двух", но я еще никогда не слышал, чтоб кто-нибудь говорил: "Что-нибудь одно из одного". Да и никто не слышал.

Выборы без выбора — внутреннее противоречие, невозможность.

Характерно, что когда в Англии в каком-нибудь избирательном округе выставляется только один кандидат, выборы просто не производятся.

Следует предоставить любому гражданину право выдвигать свою кандидатуру в любой выборный орган. Чтобы оградить выборы от маньяков, одержимых навязчивыми идеями, следует, чтобы кандидат в сельский совет был поддержан не менее, чем 10 избирателями; кандидат в районный совет в городе - не менее, чем 20 избирателями; кандидат в городской совет - 50 избирателями. Кандидат в Верховный Совет должен быть поддержан не менее, чем 100 избирателями. Выборы должны проходить в обстановке свободного соревнования, обсуждения кандидатур, спокойного делового сопоставления программ. Это и будет высшей победой социалистической демократии.

4) В тесной связи с выборами стоит вопрос об однопартийной и многопартийной системе. Сторонники однопартийной системы выставляют в качестве главного аргумента то, что рабочий класс может иметь только одну партию. Что сказать на это? Скажу: не торопитесь решать за рабочий класс, за крестьян, - за весь народ. Если народу нужна только одна партия, то никакая другая партия и не возникнет. /10 человек или даже 100 - это не партия/. Если же ему нужна еще одна партия или еще другие партии, - то ему это знать лучше. В обоих случаях незачем что-либо регламентировать или что-либо запрещать. Что касается меня, то я также не думаю, чтобы многопартийная система в нашей стране была бы актуальна. Я верю не в партии, а в движения, - движения, которые рождаются в народной гуще, в среде народа, который выдвигает вперед преданных борцов и которым суждено преобразить мир. А тем, кто окажется во главе этих движений, мы не решаемся читать наставлений. Им лучше нас даст это наставление величайший организатор, которого знала история, на которого Сам Христос указал как на вождя и пастыря: Он говорит:

"Пасите Божье стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия; и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример..." /I Писание Апостола Петра, 5, 2-3/.

VI. НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Все, что мы писали в этой статье, относится, разумеется, прежде всего к русскому народу. Наш друг шофер - русский. Русский, великоросс, - наш первый друг и товарищ, всю жизнь мы прожили бок о бок с ним, хорошо его знаем и любим.

Религия
- церковь

Однако все это относится и к любому другому пофёру: я себе не представляю украинца или белоруса,¹ литовца или эстонца,¹ молдавана или узбена,¹ который не хотел бы снижения цен,¹ который не хотел бы,¹ чтобы больницы были хорошие,¹ чтобы в школах его детей хорошо учили,¹ чтобы книги, которые он читает,¹ были бы полезными и интересными,¹ чтобы он мог свободно,¹ ничего и никого не боясь,¹ выразить свои убеждения,¹ политические и религиозные.¹

Таким образом,¹ программа,¹ нами сформулированная,¹ является программой интернациональной: в ее осуществлении одинаково заинтересован трудящийся человек любой нации,¹ проживающей в СССР.¹

Есть,¹ однако,¹ специфическая национальная проблема,¹ возникшая за последние годы.¹ Эта проблема по нашему глубокому убеждению является искусственной,¹ она порождена грубой,¹ солдафонской политикой Сталина¹ в национальном вопросе: самой глубокой ошибкой Сталина было желание достигнуть единообразия в государственном строе всех республик,¹ входящих в СССР ^{X/}. Между тем,¹ каждая республика,¹ каждая национальность вправе сама решать,¹ какой строй она хочет иметь,¹ — решать в соответствии со своими национальными традициями,¹ с желанием народных масс.¹ Раз и навсегда надо отказаться от нелепых привязаний кому-то что-то навязывать.¹ Содружество народов должно основываться на сознании общности интересов.¹ Украинский и белорусский народы связаны с русским народом общностью крови,¹ веры,¹ языка, культуры и исторической судьбы.¹ Другие народы также связаны с русским народом многие годы,¹ и русский народ делал им не только плохое, но и очень много хорошего.¹ Оторвать их друг от друга немислимо и невозможно.¹

Когда-то Черчилль очень зло сострил про Хрущева,¹ что «надо быть поистине великим человеком,¹ чтоб суметь оставить Россию без хлеба¹». Перефразируя это изречение,¹ можно сказать про Сталина,¹ что надо было быть поистине великим человеком /на это он и претендовал/¹, чтобы суметь так отравить отношения между братскими нациями.¹ Простой человек ² не философ и не социолог: он не умеет делать обобщений,¹ он судит не по словам,¹ а по делам.¹ Поскольку русские принесли ему сталинскую сепю,¹ он смотрит на русских /как на сообщников палача.¹ И нельзя сказать,¹ что он не прав.¹ Мы, конечно,¹ виноваты в том,¹ что дали Сталину нас обмануть,¹ что потворствовали всем его мерзостям,¹ что слишком долго его терпели.¹ И мы готовы заглазить эту свою вину.¹

^{X/} По иронии судьбы Сталин /еще в довершение всего/ считал себя специалистом и в национальном вопросе.¹

Мы дадим всем братским народам свободу, благоденствие, участие; мы создадим им чудесную, спокойную, свободную жизнь. А после этого спросим: "Хотите ли вы от нас отделиться, хотите ли жить одни, не опираясь на братскую руку русского народа? Без его мощной поддержки? Без огромных экономических ресурсов, которые он готов предоставить в ваше распоряжение? И мы услышим в ответ: нет, не хотим; от добра добра не ищут."

До сих пор мы писали об ошибках Сталина в национальном вопросе. Эти ошибки были тоже преступлениями, ибо корчить шею миллионам людей — преступление. Но были у него и щемящие душу злодеяния. Таким злодеянием являлось выселение целых народов из родных мест. Две народности до сих пор не могут вернуться в родные места. Речь идет о крымских татарах и немцах Поволжья. Что надо сделать по отношению к ним? Немедленно вернуть их в те места, где жили их отцы и деды.

УП. НА БРАТСКИЙ ПИР ЛЮБВИ СЗЫВАЕТ ВАРВАРСКАЯ ЛИГА

Национализм или интернационализм? Как христиан и демократы могу ответить только одно: интернационализм!

Свободное объединение свободных народов — это и есть интернационализм. Но этим он не кончается. Мы не хотим больше жить в одиночестве, в изоляции от других народов. Мы сознаем себя европейцами, мы сознаем себя членами великой мировой общины. Мы поэтому требуем свободного въезда в другие страны, так же, как и сами готовы принять к себе всех, кто хочет к нам приехать.

Никаких законов, стесняющих въезд в другие страны, быть не должно: все эти правила должны быть отменены, пусть люди ездят, как можно больше ездят, пусть как можно больше общаются друг с другом. Прорубите окно в Европу, прорубите окно в Азию и в Африку, прорубите окно в Америку и в Австралию — прорубите окно в мир.

В XVIII веке Монтень — знаменитый педагог предусматривал в своей программе воспитания, что каждый юноша после окончания учебы должен провести 2 года в путешествиях по миру. И он был прав, совершенно прав: нельзя себя представить по-настоящему культурного человека, который никогда не бывал ни в одной стране мира, который никогда не смыхнул чужого воздуха.

Следует поэтому всячески поощрять поездки за границу, следует сделать свободным и беспрепятственным для любого гражданина

Сак
Пурч.

внезап за пределы СССР. Пусть он поедет, посмотрит и вернется. А если не вернется, будем считать себя: значит, не считали мы создать ему хорошей жизни: от хорошей жизни не уедут!

Но и это еще не все!

В предыдущих главах мы говорили о том, что надо вывести свои войска из восточной Европы. Надо оттуда уйти. Уйти, чтобы вернуться! Уйти с оружием, вернуться с миром!

СССР не должен и не может оставаться в стороне от великого процесса интеграции народов, который ныне происходит в мире. Мы предвидим включение СССР в единое европейское сообщество, политическое, экономическое, культурное, которое неполно без участия в нем России и соприкасающихся ей народов.

УП. ЗАГЛЯДЫВАЯ В БУДУЩЕЕ

Мы изложили обширную программу, касающуюся почти всех сторон общественной жизни. Как думаем мы добиться ее осуществления? Путем бескровной революции.

Обычно под революцией подразумевается нечто кровавое, шумное: баррикады, выстрелы, звон набата, пальба из пушек. И глубоко ошибаются: это все лишь аксессуар, декорация, фейерверк. Это лишь внешняя сторона революции. А что является ее сущностью? Сущностью является глубокое изменение в сознании и в жизни людей.

Эти изменения накапливаются годами, десятилетиями, столетиями, пока количество не переходит в качество, — критическая точка, скачок является моментом такого перехода. Так учил берлинский профессор, бездарный лектор и скучный писатель, облекавший свои мысли в удивительно тяжелую и неудобоваримую форму, величайший мыслитель из всех, каких когда-либо имело человечество, Георг Фридрих Гегель /Егор Федорович/, как фамильярно и ласково называл его Белинский/ установили эту истину, действительную для всех времен и народов. Исследователи и ученики Гегеля, однако, просмотрели одну очень существенную сторону в его учении. Все без исключения его ученики всегда подчеркивают детерминистский характер его философии, сознание, что в основе развития мира лежат железные законы, их же не преиждешь, ибо в них проявляется Абсолютный Дух, направляющий историю. Гегельянский детерминизм в свое время возмутил Белинского, написавшего раздраженные строки, что он "не хочет принимать Абсолютного духа, который использует меня, а затем сбрасывает, как старые штаны", а потому находил нужным

попрощаться с профессором: "Клянюсь твоему философскому колпаку, Егор Федорович", - прибавлял он.

Все дело в том, что вся философия "Егора Федоровича" написана пунктиром /с заменой общепринятых слов условными терминами/ и поэтому мало кто заметил, что детерминизм Гегеля относительный: он проявляется через человеческую волю. Гегель не случайно писал про Наполеона: "Я видел вчера императора - эту мировую душу". Для него Наполеон был человеком, воля которого в данный момент была той формой, через которую проявлялась Высшая Воля.

И здесь мы подходим к учению о свободе и необходимости - к одному из самых глубоких откровений великого философа. Свобода есть форма, в которой проявляется необходимость, - таково основополагающее положение Гегеля.

Наполеон был свободен в выборе своего пути: он мог, например, не избирать себе военной карьеры, или мог в свое время уехать в Россию, как он собрался, мог, наконец, ограничить свою деятельность Францией. Но он принял другой путь - путь завоевателя, и его завоевания перевернули Европу. И благодаря его свободному решению, в форме его свободного решения, проявилась воля абсолютного Духа, железная необходимость, согласно которой он стал на какой-то момент Мировой Душой. В основе мира лежит железная необходимость; однако, формы, в которых она проявляется, бесконечно разнообразны. И их избирает свободная человеческая воля. Так необходимость реализуется в свободе, Абсолютный Дух выражает себя в человеке.

Перейдем с этого высокого языка гегелевской философии на обыкновенный популярный язык. Согласно летописи апостол Андрей Первозванный шел из Киева в Рим через Новгород. Конечно, из всех возможных путей он избрал самый долгий. "Не ходите в Рим через Новгород!" - любил говорить мой покойный учитель проф. М. А. Яковлев, читавший у нас древне-русскую литературу.

От каждого народа зависит избирать себе путь, - и от него зависит, не изберет ли он путь из Киева в Рим через Новгород.

Программа, изложенная нами, носит революционный характер, потому что она должна полностью изменить облик нашего общества. Осуществление этой программы является исторической необходимостью. Осуществлена она будет независимо от желания кого бы то ни было. Однако пути ее осуществления, время ее реализации зависит от людей. Как и где она будет осуществлена?

Конечно, ожидать, что она будет осуществлена путем желания

добрых дяденек, занимавших важные должности, — наивность, не нуждающаяся в опровержении. Наказателен и путь кровопролития, потому что как правдиво он чреват такими ужасами, которые превосходят все те несчастья и неудобства, которые терпят люди при любом режиме.

Самое желательное — это бескровная революция. Между революцией и эволюцией нет принципиальной разницы, как нет разницы между революцией и реформой. И реформа не приходит без длительной борьбы и она требует многих жертв. Для того, чтобы крепостное право было уничтожено и проведены великие реформы 60-х годов прошлого века, понадобился почти столетний период борьбы, причем эта борьба включает в себя самые разнообразные элементы: и путчаевщину, и Гадичева с Новиковым, декабристов и деятельность гуманистов типа Карамзина и Дюковского, вольнолюбивые стихи Пушкина и Лермонтова, и деятельность Белинского, и острую сатиру Гоголя, и глубоко реалистическое изображение крепостного права в "Записках охотника" И.С.Тургенева. Даже такое как будто далекое от всякого политического протеста явление, как актерская игра Мочалова и Щепкина, вливается в общий поток борьбы за обновление русской жизни, потому что с Мочаловым приходит в Россию Шиллер с его призывом к жертвенности, героизму, а с Щепкиным приходит гуманизм, мягкий и смешанный с юмором, подобный диккенсовскому. Ни о чем не сравнимо значение Герцена и его "Колокола" в русской общественной жизни, так же, как и лекции Грановского. Но и нельзя сбросить со счета такое событие, как перевод на русский язык Евангелия, начатый в 1819 г. митрополитом Самарским Дроздовым, или проповеди архиепископа Херсонского Иннокентия /Ерлсова/, будившие в слушателях благородные идеи гуманизма. У Герцена в "Былом и думах" есть пронырливые слова: "Профессора Московского университета, преподававшие в 30-х годах, могут спокойно играть в билет или доживать на Ваганьковском кладбище: свое дело они сделали, пробудили людей нашего кружка".

Только ли профессора Московского университета? А проинициальные учителя, о которых пишет И.С.Аксаков, переписывавшие письмо Белинского к Гоголю, а добрые батюшки типа о.Ирландия, преподававшего Закон Божий в Кадетском корпусе, о котором пишет Лесков, и все эти Рудины, Лаврентьевы, Райские, Базаровы и Волуховы, Кирсановы, — все эти неудачники-либералы, которые все-таки будили мысль, проповедывали свои идеалы, — разве все они не внесли свой вклад в подготовку реформы? И великие исторические события /Севастополь-

ская война/ и личные качества носителей верховной власти /Александра II, его жены Марьи Александровны, деятелей типа Малютина/ сыграли свою роль.

И в результате в течение 2-3 лет Русь обновилась, количество перешло в качество, — Русь стала иной. Ничто, сделанное для народа, ни одно искреннее слово, ни одна благородная мысль не пропали даром.

Вот эта совокупность стремлений, действий, многих тысяч лиц, связанных общими благородными идеалами, направленными к обновлению России, и является движением, русским освободительным движением. В настоящее время у нас существует гуманистическое движение, характеризующееся такими именами, как Сахаров, Солженицын, Шафаревич, генерал Григоренко и другие. Однако, чтобы оно возымело силу, надо, чтобы оно было подкреплено могучим социал-демократическим движением в рабочем классе, крестьянстве, во всем русском народе. Мы называем эту программу социал-демократической, потому что она сочетает социализм с демократией, потому что она соответствует чаяниям сотен миллионов людей, населяющих нашу страну.

X X X

Нет стран, нет народов, изолированных друг от друга. По нашему глубокому убеждению, социал-демократия — это тот этап, который предстоит пережить всему человечеству.

Освобождение от нужды, всеобщая обеспеченность, возвращение прибавочной стоимости труженикам, — такова экономическая сторона этого периода. Освобождение от страха, полная политическая свобода, подконтрольность правительств народу, — такова политическая характеристика данной эпохи. Стирание границ, объединение народов, преодоление национального эгоизма, — таков всемирно-исторический смысл этого отрезка времени, который продлится, возможно, очень долго.

Но и этот период не означает еще завершения человеческих стремлений. Далее наступит период безгосударственный, период, который можно назвать анархо-синдикалистским периодом. Кошмарные объединения трудящихся — профсоюзные синдикаты, созданные в атмосфере свободы, пронизают всю жизнь, вытеснят и заменят собой государство. И это будет полным освобождением человечества от всяких внешних пут.

До сих пор мы характеризовали все эти эпохи с чисто внешней

стороны, со стороны политической, экономической и т.д.

Но есть еще одна, притом наиболее важная сторона человеческого общества, о которой мы молчали. Это духовная сторона.

Социал-демократический этап будет в духовном плане, видимо, интеллектуальным периодом и будет характеризоваться не только ростом научных знаний, но и значительным повышением культурного уровня в массах. Усложнившаяся техника заставит рабочего смонтировать синий воротничок на белый, сделает любого труженника интеллигентом. Высвободившееся время даст неограниченные для этого возможности. Период безгосударственности создаст еще большую свободу, еще более высокий интеллектуальный уровень.

И здесь, читатель, конечно, ждет восторженного гимна будущему, воспевания идеалов светлого будущего, чем кончатся все песня социалистов. И на этот раз ошибется. Никаких гимнов не последует. Не следует думать, что царство полной свободы будет царством счастья; более того, не следует думать, что это будет наиболее счастливый период в жизни человечества. Слишком много познавшее, слишком много пережившее человечество, добившееся полной материальной обеспеченности и свободы, не будет счастливым. Оно поймет бессмысленность и тщету человеческой жизни, ограниченность человеческих знаний. И возжаждет человек, духовной пищи. Начнется новый, мистический период в жизни мира.

Тяжел и труден будет этот период, когда человечество устремит свой взгляд в область мистических знаний. Расцветут оккультные науки, — ко и Христова вера овладеет многими сердцами. Сатанинские страсти овладеют многими людьми, — ко и появятся новые подвижники, более великие, чем прежние. Закончится этот период тем, что обретет человечество вечное блаженство, вечное счастье, вечную правду у Того, Кто есть путь, Истина и Жизнь. У Иисуса Христа — Избавителя.

И вперя свой взгляд в эти отдаленные горизонты, мы восклицаем: Эй, гряди, Господе Иисусе!

Аминь.

К читателю.

Есть единственное звание, на которое я никогда не претендовал, — на звание пророка. Во всяком случае, если я и пророк, то единственный в своем роде, — пророк, который совершенно уверен в том, что все написанное свыше не сбудется! Не сбудется в таком порядке и в такой последовательности, как это было изложено. Я претендовал ни на что большее, как на то, чтобы начертать самую общую схему, как она мне представляется сейчас, на склоне лет после долгих лет раздумий и попыток проникнуть в смысл переживаемого нами момента.

Ты, читатель, волен или неволен со мной согласиться!

Во всяком случае, несомненно одно: работы — непочатый край, ибо во всех областях жизни необходимы преобразования. И все эти преобразования зависят от тебя и только от тебя, молодой читатель! Молодой, ибо старики меня не интересуют: они, подобно мне, уже прожили жизнь и стоят на пороге вечности. Бальзак когда-то говорил: "Великий человек отличается от обыкновенного тем, что обыкновенный человек говорит: если не я, то кто-нибудь, если не сейчас, то когда-нибудь! Великий человек говорит: если не я, то кто же, если не сейчас, то когда же?"

Будьте, друзья мои, великим людьми, а от меня примите сердечный привет и эту скромную работу, представляющую плод долговременных размышлений, незрелых и увядших лет, ума холодных наблюдений и сердца горестных замет.

Март 1974 г.

Москва